

ДАРИНА РОММ

**БЕЗУПРЕЧНЫЙ
ЗЛОДЕЙ**

для Госпожи Топаданки

Дарина Ромм
Безупречный злодей
для госпожи попаданки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71501611

SelfPub; 2025

Аннотация

Я очутилась в другом мире, но вместо прекрасной жизни получила статус бесправной рабыни. Еще загадочное прошлое девушки, в чье тело попала. Не выдержав, я сбежала от жестокого хозяина и теперь на меня идет безжалостная охота.

Смогу ли я спастись, ведь мою тайну знает самый ужасный дракон, Главный королевский Инквизитор?

Содержание

1	5
2	12
3	15
4	27
5	33
6	39
7	45
8	53
9	64
10	70
11	76
12	83
13	88
14	94
15	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Дарина Ромм
Безупречный злодей
для госпожи попаданки

Безупречный злодей для госпожи попаданки

Рабыня

– Эй, девка, открывай глаза.

– Говорю, сдохла она.

– Да не-е, живая была – грудь двигалась, будто дышит.

– Где ты у ней грудь нашёл!? Одни кости торчат, и грязная, точно бродячий пес. Какого шамса ты ее купил?

– Так дешево отдавали. И дышала она. Говорю, грудь двигалась.

– Дешево... Грудь... Тьфу, дурень. Потеряли монеты из-за тебя... Теперь ещё от тела избавляться, опять деньги тратить.

Мужские голоса то приближаются, то затихают, переходя на чуть слышное бормотание. Я упорно прислушиваюсь к ним, даже когда они удаляются и становятся не слышнее комариного писка. Один голос низкий и гулкий, как эхо в пустой бочке, – это он утверждает, что девка живая. Владелец второго, высокого и визгливого, хочет избавиться от неё.

Интересно, про кого они говорят? Ведь не про меня же? Я «девкой» была еще в прошлом веке, в прошлом тысячелетии. Мы с подругами ещё шутили, когда двухтысячный год встречали, что пятьдесят лет в одном тысячелетии прожили

и в другом еще пятьдесят должны прожить. Я не прожила.

– Девка, слышь, ты правда, что ли, сдохла? Вот ведь го-блин, зараза такая, подсунул дохлятину.

Меня с силой бьют в бок. Больно. И странно – значит, девка, это я? Только зачем же от меня избавляться, если я живая? Или нет? Мне кажется, я умерла. Ведь сердце просто разрывалось от боли, когда я потеряла сознание. Но если я ещё жива, то где врачи, реанимация? А если умерла, меня нужно похоронить по-человечески...

– Давай вытаскивай ее из телеги – вон канава, туда и скидывай, пока никто не видит, – это вернулся высокий голос.

Лодыжку сдавливают, потом меня дергают за ногу и куда-то тащат. Мне больно, и затылок с глухим звуком бьется о что-то твердое. Раз больно, значит, я точно живая.

– Помогай давай. Один ее не унесу – тощая, а тяжелая такая, – пыхтит гулкий голос.

– Ага, охота была руки пачкать – она поди в блохах вся да в лишаях. Сам купил, сам и возись с ней.

– Дурак, один ее пока вытащу да в канаву сброшу, полдня уйдет. Увидит еще кто, донесут инквизиции и заставят за свой счет её хоронить.

– Вот и похоронишь – раз ты ее купил, значит, твоя рабыня. Я здесь не при делах.

– Говнюк! – выплевывает гулкий голос, и меня снова дергают, теперь уже за руку. – Бери за ноги и тащи, пока никто не видит! Притопим ее по-быстрому и свалим отсюда – в ка-

наве воды по пояс, и земляюков полно. Сожрут тело, и следов не останется, а мы скажем, что сбежала, если кто спросит.

– Одни проблемы из-за тебя, умник, – цыкает высокий голос.

Еще несколько рывков, и мое тело летит вниз, с глухим «хех» приземляется на что-то твердое. Очень больно. Сознание плывет, и я уверена, что все-таки умираю. Но нет, мои запястья и щиколотки снова сжимают, и я повисаю в воздухе покачиваясь.

– Несем скорее – вон уже повозки показались на краю поля!

До меня доносится запах гнили, тухлой воды и тошнотворно-сладкий трупный. Наверное, это пахнет канава, где полно земляюков. Кто это, интересно? Они должны меня сожрать...

– Я не буду близко подходить, край скользкий – еще свалимся, – ноет высокий голос, и движение прекращается.

– Ссыкло тощее, – бурчит второй. – Ладно, отсюда скинем. Раскачиваем и на счет «три» бросаем.

Я пытаюсь пошевелиться и сказать, что я живая, не надо меня в канаву, но язык не слушается.

Мое тело начинают раскачивать и считать:

– И раз... И два... И...

– Что тут происходит?! – ужасный счет обрывает властный мужской голос, низкий и чуть рычащий, будто камни в горах перекатываются. Те, что меня держат, замирают, и

от них начинает нести диким страхом, почти ужасом. Я чувствую, как он волнами бьет во все стороны, задевая и меня. Я тоже начинаю бояться – вдруг этот мужчина уйдет, и тогда жуткий счет продолжится...

– Я задал вопрос, – голос звучит очень властно, ему хочется подчиняться. – Что. Здесь. Происходит?!

Если бы могла, я бы заплакала от счастья...

Срываясь на фальцет, высокий голос испуганно тараторит:

– Рабыня это, господин дракон. То есть, господин инквизитор. Это его рабыня, Ганиса... Купил ее нынче утром, а она чего-то приболела. Хотели ее к воде снести, чтобы освежилась.

– Девушку в телегу, – резко командует голос моего спасителя. – Документы на нее есть?

Меня опять качают и сбрасывают на твердое. Снова больно.

– Вот документик, господин инквизитор... Это моя рабыня. Её зовут Федерика. А меня Ганис. Сегодня утром купил ее в Ельне у гоблина по имени Кришц. Можете у него спросить, он подтвердит, – теперь и гулкий голос стал тонким и дрожащим.

– Ты собирался выбросить ее в канаву? – перебивает его мужчина.

– Как вы могли такое подумать, господин инквизитор!? –

голос Ганиса взлетает и делается совсем писклявым и испуганным.

Почему же я все слышу и запахи чувствую, но не могу ни пошевелиться, ни открыть глаза? Может быть, я инвалид? Слепой и парализованный...

Все-таки я умерла, и моя душа переселилась в другое тело, теперь я в этом уверена. В другое тело в другом мире – у нас никаких земляков не бывает, и гоблинов по имени Кришц и рабов тоже нет. Я попаданка – такое случается, когда мне поставили диагноз, я много читала об этих вещах. Но почему моя душа получила такое больное и немощное тело, если души всегда переселяются в молодые и здоровые? Или я не заслужила новой жизни?

– Почему она в таком состоянии? – словно вторя моим мыслям, спрашивает мужчина.

Движение рядом. Моих ноздрей касается чуть терпкий, горьковатый аромат. Я будто кожей вижу, как мужчина внимательно меня рассматривает.

– Что с ее глазами? – произносит наконец.

– Болезнь ее свалила, когда везли на корабле. Кришц клялся, что выздоровеет, если полечить.

– Вот и полечишь, – приказывает мужчина. – В городе отвезешь ее в больницу – закон предписывает владельцу заботиться о своих рабах. Если обманешь, не поздоровится тебе. Понял меня, Ганис?

– Как не понять, господин инквизитор! Все сделаю в луч-

шем виде, – голос снова испуганно взвизывает.

Интересно, этот инквизитор ведьм сжигает, как у нас в средние века, или еще что похуже? Неспроста ведь эти уроды так трясутся от страха.

Моего лица вдруг касается чья-то рука. Так неожиданно, что я вздрагиваю.

– Тише, девочка. Сейчас я тебя немного подлечу, а то не дотянешь до города, – голос инквизитора становится совсем другим, мягким и чуть слышным, словно он стесняется так по-доброму говорить.

Мужчина отходит, вызвав в душе мгновенный укол страха – если он уйдет, меня все-таки сбросят в канаву. К землякам. Но он возвращается, встает так близко, что я снова улавливаю его горьковатый запах. Звякает метал, потом звук льющейся жидкости, и к моим глазам прижимается что-то влажное и прохладное.

– Вот так, сейчас лекарство подействует, и, может быть, сможешь открыть глаза.

Снова металлический звук, и по лицу проходит влажная ткань. Меня умывают?

– Да тебя избивали, похоже, – теперь в его голосе слышна злость. По моему телу от макушки до стоп пробегают уверенные мужские руки. Быстро ощупывают, где-то задерживаются, словно изучают это место, и бегут дальше.

– Ганис! – голос снова звучит резко и властно. – Девушку сильно избивали – у нее сломан позвоночник. Это твоих рук

дело?

– Что вы, что вы, господин инквизитор! – Ганис чуть не визжит от ужаса. – Таковую купил, клянусь бородой праотца!

Наступает молчание, слышно только испуганное прерывистое дыхание... моего хозяина? Ведь, если я рабыня, а Ганис меня купил, то я его собственность? Рабыня по имени Федерика.

Те же мужские руки ложатся мне на солнечное сплетение, слегка надавливают. Низкий голос звучит мягко, словно разговаривает с маленьким ребенком: -Такая сильная и стойкая малышка... Потерпи еще немного – нужно срастить позвонки...

– М-мм, – с моих губ срывается стон, потому что внезапно тело пронзает острая, мучительно долгая и болезненная судорога.

На лоб ложится прохладная ладонь и я слышу шепот:

– Тш-ш, девочка, уже все закончено. Сейчас тебе станет легче...

Под ласковым прикосновением ладони мое сознание опять мутнеет, и на этот раз я отключаюсь...

2

Скыrr... Скыrr... Скыrr... Монотонный скрип плохо смазанных колес. Мерное покачивание, и конское ржание. Я лежу на дощатом днище грязной повозки. Голова мотается по комкастой, пахнувшей прелым подушке. Тело укрыто рваной дерюгой, под которой мне ужасно жарко. Хочется попросить воды и убрать с меня вонючую тряпку, но я не рискую – пусть думают, что я без сознания. Над телегой натянута кусок дырявой ткани, прикрывающий меня от безжалостного солнца – в этом мире знойное лето. Сквозь прорехи пробиваются солнечные лучи, в которых танцуют пылинки. Вспрашивают и цокают копытами запряженные в телегу кони.

Как хорошо быть живой... Даже если в теле болит каждый кусочек, все равно хорошо...

Все пространство повозки завалено разномастными тюками и мешками. Когда колеса подпрыгивают на кочках, они начинают ползти в мою сторону, грозя похоронить под собой. Так себе удовольствие кататься на таком транспорте, но это лучше, чем лежать на дне канавы в компании земляков.

Я перевожу взгляд к светлому полукругу выхода из повозки. В нем виден кусочек ярко-голубого неба, и, как на экране в кинотеатре, то появляется, то исчезает фигура едущего за телегой всадника на черной лошади. Темно-серый плащ

с алой эмблемой на левом плече скрывает фигуру, но заметно, что он высокий и широкоплечий. Затянутые в перчатки руки спокойно держат поводья. На голове глухой капюшон с прорезями для глаз, скрывающий лицо до самого подбородка. Выглядит жутко, словно палач из фильмов про средневековье едет за повозкой, в которой везут на казнь жертву. Меня...

На передке повозки правят лошадьми и шепчутся Ганис и второй, с тонким голосом.

– Долго инквизитор будет за нами ехать? – бухтит Ганис. – До самого города собрался следить?

– С такого станется. Как он здесь оказался, а? Вынырнул, словно из воздуха. Едва не попались с этой девкой, – зло сплевывает второй.

– Видал знак у него на плече? Похоже, из самых высших. Не пойму только, чего ему от нас надо – отродясь инквизиторы в наше захолустье не заглядывали. Как думаешь?

– А я знаю?! Давай решать, что с девкой делать. Не будем же мы, и правда, лечить ее, монеты впустую тратить, – голос опускается до еле слышного шепота. – Сделаем вид, что в больницу поехали, а сами свернем к городскому рынку. Там сдадим девку Али Меченому. Он даже такую, как эта, сможет перепродать с выгодой. А кому и для чего она понадобится, не наше дело. Главное, монеты свои вернуть. Теперь и цену на нее можно накинуть после драконьего лечения.

– А если он за нами до больницы поедет?

– Если, если...! Хватит каркать! – все так же шепотом рывкает тонкий голос. – Вечно ты самое дрянное думаешь!

– Ага! Коли мы его приказ не выполним, отыщет нас инквизитор да отправит сам знаешь куда. Будет тебе тогда не самое дрянное! – хрипло шепчет Ганис. – Лучше послушай, что я придумал...

Голоса бубнят и бубнят, строя планы на мою судьбу. Я внимательно их слушаю, и с каждым новым словом все отчетливее понимаю, что у меня нет никаких шансов выжить...

Остаток пути до города я лежу с закрытыми глазами, все больше впадая в тупое оцепенение. Только один раз, когда телега останавливается у ворот больницы и надо мной склоняется лицо инквизитора, приподнимаю ресницы. Из узких прорезей капюшона на меня смотрят темные внимательные глаза. На несколько секунд мы переплетаемся взглядами, словно нам есть что сказать друг другу.

– Прощай, Федерика, – произносит он чуть слышно.

– Прощай, инквизитор, – я снова закрываю глаза – сейчас он уедет, и тогда меня убьют.

Слушаю затихающий цокот копыт и два облегченных выдоха с передка повозки:

– Уф-ф, убрался. Разворачивайся, едем на рынок.

Щелканье бича, повеселевший голос Ганиса, и я проваливаюсь в беспамятство...

3

– Зачем мне эта дохлятина? – мужской голос звучит равнодушно, лениво растягивая в словах гласные.

– Живая она, просто спит. Дорога была длинная, вот и умаялась, – голос Ганиса заискивающий. Еще в нем слышен откровенный страх.

Его приятель визгливо поддакивает:

– Хорошая девка, Али. Недорого просим – уезжаем, вот и делаем скидку.

– Она ничего не стоит. Падаль, – голос того, кого назвали Али, все так же равнодушен.

– Да ты посмотри на нее получше, – лебезит Ганис. – Видишь, какая кость тонкая, и руки, точно у принцессы. Откормишь чуток и продашь за хорошие деньги. А синяки пройдут, и следов не останется.

– Сами кормите свою принцессу...

Голоса продолжают звучать, но я больше не прислушиваюсь – что бы ни решил этот Али, для меня одинаково плохо. Или эти двое скормят меня землякам в канаве, или самый крупный работороговец этих мест Али Меченый перепродает какому-нибудь извращенцу.

Воздух возле моей головы колеблется, на лицо падает тень. Голос Али лениво произносит:

– Ладно, три монеты.

– Да ты что, Али! – ахает Ганис. – Да я за нее отдал...

– Две монеты, – перебивает Али.

– Согласны! – торопливо вклинивается тонкий голос второго. – Отдаем за две монеты.

Звон металла, меня вытаскивают из телеги и куда-то сгружают.

Затихающий скрип несмазанных колес, и голос Али:

– Открывай глаза, я знаю, что ты не спишь.

Неохотно поднимаю веки и сталкиваюсь с внимательным взглядом голубых глаз. Мы долго смотрим друг на друга и молчим.

– Есть хочешь, Федерика? – четко очерченные губы мужчины дергаются в усмешке. Голос у него красивый, лицо тоже – только рваный темный шрам на левой брови портит его идеальность.

– Пить, – разлепляю я растрескавшиеся губы.

Мужчина еще секунду смотрит мне в глаза, затем поворачивается и что-то гортанно кричит. Уже через мгновение мою голову приподнимают и к губам подносят чашу с водой. Я жадно, давясь и захлебываясь, пью, а мужчина внимательно наблюдает. Наконец чаша пустеет, и мою голову отпускают.

– Ты можешь шевелиться, Федерика? – внезапно интересуется Али. Наклоняется ко мне, словно ощупывает взглядом мое лицо, и почти беззвучно цедит: – Как же ты попала в это дерьмо, принцесса?

Выпрямляется и командует:

– Подними руку!

Я пытаюсь пошевелить пальцами, и у меня получается.

Приподнимаю кисть и снова опускаю.

– Так, теперь вторую.

Продельваю тоже с другой рукой, и Али довольно кивает

– Теперь ноги. Согни в коленях.

Я не шевелюсь, боюсь даже попробовать – инквизитор сказал, что у меня сломан позвоночник. Кажется он говорил, что лечил меня, но я не уверена...

– Долго мне ждать? – в голосе мужчины появляется сталь.

Медленно, не отводя взгляд от его лица, я тяну на себя правое колено, затем так же медленно левое. От облегчения у меня начинают течь слезы – я могу двигаться, значит, не так все страшно. Значит, у меня есть какая-то надежда...

– Умница, – в голосе Али звучит удовлетворение.

Он снова отворачивается от меня и что-то гортанно командует. Ко мне тут же подбегают закутанные в темные одежды женщины. Подчиняясь командам Али, они осторожно перекладывают меня на деревянные носилки и несут под широкий навес в глубине двора.

– Разденьте ее, – эту команду Али произносит на понятном мне языке.

Несколько пар рук быстро стягивают лохмотья, прикрывающие мое тело, и я вдруг начинаю краснеть под пристальным мужским взглядом. «Это не мое тело. Я могу не стес-

няться, и не стыдиться», – так я уговариваю себя, но против всякой логики дергаюсь прикрыть грудь.

– Опустите руки! – бьет окрик, и мои ладони грубо отбрасывают. С двух сторон меня за плечи прижимают к столу и держат, пока светлые глаза Али внимательно проходятся по моему дрожащему от стыда телу.

– Осторожно помойте, и пусть ее осмотрит лекарь, – равнодушно произносит мужчина. Еще несколько секунд смотрит мне в лицо нечитаемым взглядом, затем поворачивается и, не оглядываясь, уходит.

Я облегченно закрываю глаза и начинаю в голос рыдать.

Инквизитор

– Господин дракон желает что-то особенное?

подавальщица смотрит на меня приоткрыв ротик. Светло-карие глаза блестят возбуждением, смешанным со страхом и любопытством. Еще бы, не каждый день в этой глуши появляются драконы инквизиции, тем более в таком статусе, как мой.

Хотя лица она не видит – никто не видит наших лиц, даже король – в эмблемах явно разбирается. Недаром глаз не сводит с алой гидры на левом плече – знака высшей касты в инквизиции.

– У нас есть вкусная еда и забористая выпивка. Девочки на любой вкус.

Девушка облизывает розовым язычком пухлые губы и подается в мою сторону небольшой, но вполне аппетитной грудью.

– Если не хотите девочку из гильдии, есть приличные девушки из города, кто с удовольствием поможет вам весело провести ночьку...

Я усмехаюсь – приличные девушки не помогают незнакомым мужчинам в таком деле. Ночью они мирно спят в своих кроватях. Но, видимо, в этих местах понятия о приличиях имеют свои особенности.

– Спасибо, милая, как-нибудь в другой раз, – даю поскучневшей красавице монетку и велю. – Проводи-ка меня к гостю, который живет на вашем постоялом дворе.

– У нас много гостей, прекрасный господин, – жеманно тянет девушка, похоже не потерявшая надежду скрасить мое одиночество. – Кто именно вас интересует?

– Его имя Манх, – называю одно из прозвищ своего лучшего агента, под которым он должен заселиться на этот постоялый двор.

– Идите за мной, господин.

Девушка подбирает юбки и, старательно демонстрируя мне щиколотки, начинает подниматься по лестнице. Я иду за ней, незаметно оглядывая окружающее пространство – крутую узкую лестницу впереди, большой обеденный зал, заставленный тяжелыми деревянными столами, вход на кухню в углу за колонной. Что-то не так вокруг меня. Интуиция негром-

ко, но отчетливо шепчет об опасности. И хотя мой дракон не беспокоится, игнорировать проходящие сигналы я не собираюсь.

– Вот здесь живет ваш друг, – подавальщица останавливается возле дальней двери на втором этаже. – Только он уже два дня ужинать не приходит. Наверное, где-то в другом месте решил развлечься.

Обиженно поджимает губки. Похоже, эта хорошая девочка и моему агенту помогала ночки коротать. Шустрая.

– Спасибо, милая, можешь идти. Если понадобится, позову.

– Буду ждать, прекрасный господин, – она игриво хлопает глазками. – Меня Аиша зовут. Вы только позовите, и я сразу прибегу.

Дождавшись, пока девица уйдет, достаю из кармана артефакт, открывающий любые замки, – стучать бессмысленно, дверь мне не откроют. Это я понял, еще только подходя к комнате. Манх, сгорбившись, сидит за столом, словно о чем-то глубоко задумался. На звук открывшейся двери даже не поворачивается. Не может он это сделать – мой агент уже два дня как мертв.

Здесь я провожу несколько минут. Нахожу то, за чем пришел. Тщательно осматриваю комнату, но не вижу ничего, что рассказало бы о произошедшем. Затем снимаю остатки ауры Манха – отдам следователям, вдруг что-то найдут. Активирую артефакт невидимости и осторожно покидаю комнату –

больше здесь для меня ничего нет.

Отойдя от постоянного двора на пару кварталов и убедившись, что за мной нет слежки, снимаю защиту. Задумчиво иду по хорошо знакомым улочкам города и неожиданно обнаруживаю себя стоящим у ворот больницы, где я оставил повозку работорговца Ганиса, хозяина этой девочки, Федерики.

Поколебавшись несколько секунд, захожу внутрь – хочу убедиться, что мой приказ показать рабыню целителям исполнен. Еще через несколько минут я выхожу обратно. Если бы ты мог видеть сейчас мое лицо, Ганис, ты бы уже во всю прыть гнал своих лошадок, пытаясь удрать как можно дальше. Только далеко тебе не уйти – очень, очень скоро ты будешь жалеть о том, что решился обмануть меня. И ты, и твой тощий приятель, собиравшийся утопить в канаве живую девушку.

Чтобы отыскать Ганиса и его приятеля, мне понадобился час. Чтобы выслушать сбивчивый, на два голоса, рассказ о продаже рабыни, ушло пятнадцать минут. Если бы они не ползали по полу у моих ног, трясаясь и завывая от ужаса, хватило бы минуты. На то, чтобы избавить мир от двуногой дряни, мне потребовалось двадцать секунд – по десять на каждого. Еще полчаса я добирался до дома работорговца...

– Светлого дня, господин королевский инквизитор. Что привело вас в мое скромное жилище?

Али Меченый чрезвычайно почтительно склоняет передо мной голову, приветствуя высокого гостя. В комнате царит полутьма – окна прикрыты деревянными щитами, не дающими жарким лучам полуденного солнца попадать внутрь. В углах расставлены охлаждающие воздух артефакты – после испепеляющего зноя улицы находиться здесь просто блаженство.

Неслышно появляется молоденькая служанка, споро расставляет на круглом столике посуду и вазочки с угощениями и так же бесшумно исчезает.

– Могу я предложить вам чай, кофе или кальян? Может быть, отдых и наложницу? Воин королевской инквизиции – всегда желанный гость в моем доме, – Али ведет рукой в сторону низкой тахты со множеством ярких подушек. – Присядьте и подкрепитесь после долгой дороги...

– Я ищу женщину, – перебиваю его – в таких домах я никогда не ем, и он прекрасно это знает. – Она у тебя.

– У меня много женщин. О какой именно мы говорим?

Работорговец, как обычно, абсолютно спокоен и, как всегда, делает вид, что видит меня первый раз.

– Её привезли сегодня. Федерика.

– Да, сегодня я купил женщину с таким именем, – согласно кивает Али, и я чувствую, как мои плечи расслабляются.

– Я забираю её.

– Простите, господин инквизитор, но девушка была очень слаба, когда ее привезли. Она умерла почти сразу, как я за-

платил за нее деньги, – торговец разводит руками. – Увы, я потерял свои две монеты.

– Где тело?

– Погребено.

– Три часа назад девушка была жива и умирать не собиралась. У тебя было достаточно времени дождаться ее смерти и избавиться от тела, Али? – издевка в моем голосе слышна даже глухому.

– Очевидно, её состояние было хуже, чем могло показаться. К тому же... Лето, жара, а она жалкая рабыня – кому надо с ней возиться? Я сразу отдал ее похоронщикам, – Али подходит к встроенному в стену шкафу и достает сложенный вчетверо лист пергамента. – Вот свидетельство.

Внимательно изучаю документ, особенно печати – все выглядит как настоящее. Вот только таким не является, и Али знает, что я это знаю. Недаром на дне его холодных глаз залегло напряжение. Что же, оставим пока так, как есть. Возвращаю пергамент и, не прощаясь, иду к двери. На пороге оборачиваюсь, смотрю в голубые нездешние глаза работорговца:

– Было бы лучше, останься девушка в живых, Али. Подумай, не совершил ли ты где-то ошибку?

После прохладной полутьмы дома жгучий зной улицы кажется особенно невыносимым. Раскаленные булыжники мостовой прожигают подошвы сапог. Глаза слепнут от яростной белизны облитых солнцем стен домов. Осторожно вды-

хаю обжигающий легкий воздух и иду к центральной площади – там я смогу взлететь.

С момента, как я начал искать рабыню, прошло всего два часа. За это время король двенадцать раз прислал мне требование вернуться во дворец. Через несколько минут я был в небе, летел к столице, гадая, зачем так срочно потребовался его величеству, и прикидывая, сколько времени Федерике понадобится, чтобы с помощью целителя работорговца прийти в себя.

Работорговец Али Меченый

Глаза дракона в прорезях капюшона на миг закрываются, а когда снова смотрят на меня, я вижу в них свой приговор: "Подумай, не совершил ли ты где-то ошибку?"

Усмехаюсь, глядя в закрывшуюся за ним дверь:

– Мое рождение уже было ошибкой, господин королевский инквизитор. Что уж говорить об остальной моей жизни...

В крыле целителя, как всегда, прохлада и тишина. Пахнет травами и очищающими заклинаниями – мне всегда казалось, что у них аромат грозы. Целитель Лазарис с задумчивым видом копается в высоком шкафу, где хранит самые ценные зелья. Вынимает пузатый горшочек с плотно притертой крышкой и довольно крякает:

– Вот и пригодилась мазь из корня аулеты, мой господин. Думал, выкинуть придется, ан нет, нашлось куда использо-

вать. Будем...

– В каком состоянии девушка? – обрываю его восторги.

– Я дал ей порошок сонного корня, и пока она спит. Если хотите, можете посмотреть на нее. Сейчас она чистая, и можно что-то разглядеть.

– Я ее видел, – усмехаюсь, вспомнив, как полудохлая девчонка пыталась прикрыться от моего взгляда. – Что с ее здоровьем?

Старик недовольно качает головой:

– Все тело – сплошной синяк. Как только сразу не умерла от таких побоев? Но внутренние повреждения уже зажили – кто-то вовремя полечил ее. На глаза ей накладывали компрессы с отваром важины. Красивые глаза, я бы сказал, – он замолкает, недовольно качая головой.

Я усмехаюсь про себя: кажется, я знаю, кто так своевременно подлечил тебя, Федерика.

Лазарис начинает осторожно раскладывать густую, маслянистую мазь из горшка по маленьким склянкам, не забывая болтать:

– Мне кажется, она будет довольно хорошенькой, когда синяки сойдут. Но сначала придется откормить ее как следует – я таких тощих давно не видел. Как будто она месяц или два вообще не ела. Силы ей долго придется восстанавливать. Но ничего, моя волшебная мазь...

– Она девственница? – обрываю его.

– Невинна, как в день своего рождения, – кивает старик.

– Хорошо. Следи за ее состоянием. Я пока подумаю, кому можно ее продать.

Королевский дворец государства Аштана

Огромный зал приемов тонул в полумраке – от яркого света у Его Величество болели глаза. Магические светильники во дворце давно убрали, оставив лишь чадящие и потрескивающие факелы из пропитанной смолой пеньки – их тусклый свет не раздражал повелителя.

По периметру зала неподвижными статуями замерли кверки, личная, подчиняющаяся только королю стража. Чудовищной силы, бездушные и бесчувственные неубиваемые монстры были результатом магических экспериментов самого короля. Много десятилетий назад, когда его подозрительность достигла пика, Цварг создал кверков и с тех пор не делал ни шагу, не окружив себя кольцом их защиты.

Сидя на гигантском, матово блестящем золотом троне, король смотрел, как от дверей неспешно идет высокий мужчина в темно-сером плаще. На левом плече вышита алая гидра – знак принадлежности к касте, почти равной самому королю. Почти, но не равной. В неверном, колеблющемся свете факелов казалось, что гидра живая. Двигается и шевелит щупальцами, вызывая в душе короля странный, необъяснимый ужас. Перед глазами вдруг возникло видение – красные, похожие на потеки крови щупальца сдавливают ему

шею. Он задыхается, хрипит и бьется в их безжалостных объятиях...

– Где ты шлялся? Почему не явился сразу, как я велел? – голос короля закрипел злостью и страхом, подлетел до истеричного визга: – Со шлюхами развлекался, когда был нужен своему властителю?!

– Я летал с инспекцией в Южную провинцию, ваше величество, – голос мужчины в сером плаще спокоен и почтительен.

– Что там? – снова взвизгнул король. – Опять бунт готовят клятые мятежники? Надеюсь, ты убил всех, кто посмел оскалить зубы на своего властелина?

– Провинция спокойна, милорд. Ваши подданные обожают своего короля и не устают воздавать благодарности в храмах. Я всего лишь проверял работу своих служб. Услышав ваш вызов, оставил дела и полетел в столицу, – сколько бы король ни пытался услышать в тоне мужчины фальшь или непочтительность, но даже его звериной подозрительности это не удалось. Нет, в нем только подобострастие и желание угодить властителю.

– Молодец, служи усердно, инквизитор, – король совершенно успокоился. Бледное, изрезанное морщинами лицо с запавшими глазами разгладилось. – Значит, мои подданные всем довольны?

– Абсолютно, милорд. Они счастливы жить под вашим милостивым правлением.

– Хорошо, – король довольно потер сухие костлявые ладони. Толкнул к мужчине серый пергаментный свиток: – Днем гонец привез письмо – в нем занятная новость. Посмотри и скажи, что думаешь.

Копию этого письма мужчина в сером плаще прочитал десять минут назад, как только прилетел во дворец. Но развернул протянутый королем свиток и снова всмотрелся в витиеватые строчки послания.

Дождаясь, пока инквизитор прочтет письмо, король устало откинулся на спинку своего золотого трона и закрыл глаза...

Он был стар. Даже по драконьим меркам король Цварг был стар, как сама вечность. Никто не помнил точно, сколько ему лет. Он и сам давно это забыл. Казалось, он всегда сидел на своем золотом троне, скрючившись тщедушным телом среди шелковых подушек. Он был так стар и так давно правил, что в королевстве не осталось никого родившегося не в правление короля Цварга.

Умирать король не собирался. Так же, как не собирался отдавать свою королевскую власть в другие руки – слишком уж нравилась она дракону. Власть и жизнь всегда были неотделимы для Цварга Вечного. Потому все, кто мог претендовать на его прекрасный золотой трон, давно превратились в груды обглоданных стервятниками костей. Не осталось никого, в чьих венах текла кровь предков, единственно дающая право на королевскую власть. Не стало и сыновей

самого Цварга. Его плоть и кровь много столетий белела скелетами в широкой долине меж хребтов Алзасских гор – месте, где по традиции умирали драконы. Иногда Цварг скучал по своим мальчикам, даже плакал – все же он любил их и очень переживал, когда пришлось избавиться от них наравне со всеми остальными.

Но ее король любил больше, свою почти ничем не ограниченную власть. Упивался. Наслаждался, как гурман нежнейшим паштетом из виноградных улиток или тончайшего вкуса пирожным. Смаковал и держался за нее всеми силами, зная, что с ее потерей уйдет и единственный смысл его жизни. И тогда останется только умереть, а умирать он не хотел.

Наоборот, делал все, чтобы продлить свое существование еще и еще. В подвалах его дворца была устроена лаборатория, где собранные со всего королевства ученые и целители создавали зелья омоложения и артефакты, дающие бодрость и силу. Цварг ежедневно принимал десятки пилюль и отваров, поддерживающих его неуклонно слабеющие силы. Трижды в неделю отправлялся в шахты на краю Белой пустыни, где на стенах сверкали и переливались налеты волшебного минерала салинума, очищающего легкие и кровь. Часами лежал на установленной для него кровати, вдыхая полезные испарения редкого минерала.

Еще были женщины – их дракон считал лучшим средством сохранить долголетие. По всему королевству собирали невинных девушек и привозили во дворец чтобы король

мог взять их девственность. Самых красивых на время оставляли согревать по ночам дряхлое тело августейшего безумца. Остальных отправляли в расход – никто не смел пользоваться тем, что когда-то принадлежало королю. Потому и процветало в государстве рабство, что не напасть было девственниц для одержимого дракона. Ежедневно, ежечасно рабские рынки пополнялись и пополнялись десятками привозимых со всех концов света бесправных двуногих существ – ненасытная прорва все время требовала кормить ее.

– Ну что? Как тебе заморская новость? – растянул король в улыбке узкие губы, когда инквизитор закончил чтение.

– У императора Шелая украли единственную дочь, прекрасную принцессу Маури. Он просит помощи в ее поисках, – не снимая перчаток мужчина неспешно сложил пергамент. – Мой король, похищение произошло четыре недели назад. Если девушку до сих пор не нашли, скорее всего, ее давно скормили рыбам или землякам.

– Император уверен, что дочь жива и находится на территории моего королевства, – возразил король и довольно захихикал. – Видать, сильно дорога девка старому мерзавцу, раз сломил свою гордость и пошел ко мне на поклон.

Мужчина в сером плаще молчал.

– Вот тебе мой приказ – найдешь девушку и доставишь ее мне, – запавшие глаза короля сверкнули алчным огнем. – Уж я придумаю, какую пользу извлечь из нее и из ее магии, раз она плоть и кровь Шелая.

– Если девушка уже мертва?

– Для тебя будет лучше, если она жива, мой мальчик, – произнес Цварг ласковым голосом. – Да, для тебя так будет гораздо лучше. Иди и выполняй.

Уходя из тронного зала, мужчина в сером плаще уносил с собой письмо императора Шелая – над ним стоило подумать, особенно над той его частью, которой почему-то не оказалось в сделанной для него копии, – фразой о том, что вместе с принцессой Маури пропала ее служанка по имени Федерика.

Рабыня Федерика

Первые несколько дней в доме Али сливаются для меня в одну тусклую, смазанную картину.

Из лазарета меня переселяют в крошечную каморку, скорее нишу в стене, где вместо двери стоит ширма, а свет падает через небольшое оконце под потолком. Жесткий топчан в качестве кровати и полка на стене в изголовье – вот и вся обстановка.

Почти все время я сплю. Дважды в день лекарь, высокий старик с худым лицом и косматыми седыми бровями, приносит отвар, будит и стоит надо мной, дожидаясь, пока я выпью дурно пахнущую, режущую язык и горло жидкость.

Когда он принес ее первый раз, я послушно глотнула и тут же выплюнула – гадость несусветная! Оттолкнула от себя чашу и откинулась на подушку. Старик молча ухватил меня за волосы и дернул, заставляя сесть. Я взвыла от боли, слабыми руками попыталась оторвать от себя его пальцы и получила еще один рывок, от которого у меня фонтаном хлынули слезы.

– Выпить, я сказал! – хрипло каркнул ужасный дед и поднес к моим губам чашу. – До последней капли.

Когда я, захлебываясь и давя приступы тошноты, допила, мягко погладил по волосам и тоном доброго дядюшки по-

хвалил:

– Умница. Всегда будь послушной девочкой и тогда выживешь. Строптивых тут не любят, запомни крепко-накрепко. Или будь ласковой, как кошка, – тоже хороший способ остаться в живых. Выбирай сама, – и повернулся к выходу.

– Меж гнилыми яблоками выбор невелик, – процедила я, вытирая рот рукой.

– Что?! – его худая спина напряглась, и мужчина медленно повернулся, впился в меня изумленным взглядом. – Что ты сейчас сказала?

– Простите, господин, сама не знаю, что мой язык болтает, – я опустила глаза, решив последовать его же совету и стать сразу и послушной, и ласковой. Ещё, хотелось бы невидимой...

– Напомни свое имя? – вдруг поинтересовался старик, и я неохотно, словно эти звуки скребли горло, выдавила: – Федерика.

С того раза я молча пью отвратительное пойло. Старик с хмурым видом наблюдает, затем берет меня за руку, слушая пульс, или, не прикасаясь, водит над телом руками, кивает головой и молча уходит. А я снова проваливаюсь в тяжелый сон без сновидений.

Просыпаясь, чтобы поесть, с трудом ворочаю тяжелые, словно камни, мысли в голове, пытаюсь хоть как-то понять и принять то, что со мной произошло.

По вечерам ко мне приходит крупная, с крепкими руками

и хмурым лицом девица, молча намазывает мое тело липкой, жирной мазью из принесенной маленькой склянки и тщательно втирает, пока кожа не начинает гореть. Затем наносит на лицо толстый слой крема из другой банки. Закутывает меня, словно мумию, в пахнущую травами простыню и так же, не произнеся ни слова, удаляется. Утром приходит снова, протирает мне тело влажной тканью и помогает надеть сорочку, а простыню уносит.

Однажды, едва она раздела меня, прикрывающая вход ширма отъехала в сторону.

– Господин! – служанка вскочила на ноги и согнулась в глубоком поклоне – на пороге стоял Али.

Холодные голубые глаза остановились на моем обнаженном теле, внимательно его рассматривая. И, как в прошлый раз, когда меня раздели перед ним, я вспыхиваю стыдом. Таким жарким, что, кажется от прихлынувшей к щекам крови лопнет кожа на скулах. Я дергаюсь и неловко тяну на себя край простыни, пытаюсь хоть как-то прикрыться от его изучающего взгляда.

– Убери руки! – холодно командует работорговец и велит служанке: – Приступай!

Всю процедуру, пока неприветливые руки наносят и втирают мазь, а потом закутывают меня в лечебную простыню, Али стоит и молча смотрит. Я кусаю губы, чтобы не начать кричать или плакать от стыда и злости, и, не отрываясь, смотрю на его красивое лицо.

Яркие голубые глаза, спокойно изучающие мое тело. Светлые, собранные в низкий хвост волосы. Четкие стрелы темных бровей и ресниц. Прямой нос, твердый подбородок, широкие плечи... Он красив, словно скандинавский бог из мифов. И, очевидно, так же жесток и равнодушен ко всему, кроме своих желаний.

Когда служанка, собрав свои склянки, с поклоном выскользывает за ширму, Али произносит:

– Привыкай к мужским взглядам, Федерика, теперь они станут частью твоей жизни. Очень большой частью, если только тебя не купит кто-то лично для себя.

– Что ты планируешь со мной сделать? И что значит «лично для себя»? – решаюсь спросить.

– Что сделать? – Али недоуменно приподнимает бровь. – Продать тому, кто даст за тебя больше, конечно. Выгоднее будет отдать тебя в дорогой бордель или дом развлечений. Но если найдется желающий купить тебя для личного удовольствия и предложит хорошую цену, то могу согласиться на сделку.

– Ты уверен, что меня захотят купить дорого?

– Почему нет? – Али усмехается. – Когда сойдут твои синяки, будет виднее, но и сейчас ясно, что ты красива. Думаю, если привести тебя в порядок, то можно выставить на закрытый аукцион, где продается лучший товар для самых богатых и уважаемых мужчин королевства. Возможно, тебя купят для королевского ложа. Хотя даже я не могу пожелать

тебе такой участи, – добавляет он и умолкает, глядя на меня со странной полуулыбкой, в которой соединяются равнодушные, жестокость и горечь.

Облизнув пересохшие губы, я решаюсь на еще один вопрос.

– Скажи, а инквизиторы принимают участие в таких аукционах?

– Инквизиторы? – щека Али дергается. – Нет, инквизиторам не по чину посещать такие заведения. Они находят удовольствие в другом и в других местах, так что, даже не надейся, девочка.

– Оставь надежду всяк сюда входящий? – шепчу я, радуясь, что мое лицо блестит под толстым слоем крема, и на нем не видно текущих по щекам слез.

Не отвечая, Али лезет в карман черных брюк, заправленных в высокие сапоги, и вынимает короткую цепочку с прикрепленным к ней резным листиком из голубоватого металла.

– Это было зашито в твоем платье, Федерика. Что это?
Пожимаю плечами:

– Я не помню ничего до момента, как очнулась на дне телеги, везущей меня к тебе.

– Но ты помнишь свое имя, – Али прищуривается, буравя мое лицо глазами. – Может, тогда имя своего рода вспомнишь?

– Я из рода Попаданок. Госпожа Федерика Попаданка.

В моем теперешнем состоянии беспросветного уныния эта шутка кажется мне очень смешной – я даже начинаю хихикать сквозь слезы.

Али терпеливо переживает приступ моего веселья и сообщает:

– Что же, раз ты уже способна смеяться, с завтрашнего дня начнем готовить тебя к продаже, Федерика Попаданка.

(*) *«Меж гнилыми яблоками выбор невелик» – цитата из комедии У. Шекспира "Укрощение строптивой"*

6

После ухода Али я долго лежу, тупо глядя в потолок своей кельи и боюсь даже думать о словах работорговца. О том, что он так и поступит, как сказал – продаст меня с торгов в бордель. Или мерзкому извращенцу, как между собой шептались Ганис и тот второй, его подельник. Или продадут на королевское ложе, что, судя по всему, самое страшное из возможного...

А может это все сон или галлюцинации? И ни в какой другой мир я не попадала? Нет никакого работорговца со шрамом на брови. Нет лекаря с его отвратительным лекарством. Не было Ганиса и его дружка, собиравшихся скормить меня землякам. И инквизитора тоже не было...

В какой-то момент, устав от разъедающего меня страха, я засыпаю и вижу сон...

Вот я, вчерашняя школьница Леночка Панова, с задорно блестящими глазами поступаю в институт на библиотечный факультет. Страшно волнуюсь и визжусь от радости, найдя, наконец, свою фамилию в списках первокурсников.

Вижу себя в кафе на набережной – мы с группой отмечаем завершение первого курса. Мы веселы, беззаботны, слегка пьяны и убеждены, что впереди нас ждет только счастье.

В тот день я встретила своего Борю...

Вижу своих подруг. Тех, с кем дружила в молодости, и

тех, с кем встречала старость – больше мне не с кем было.

Боря, моя единственная любовь, погиб через месяц после нашей свадьбы, и больше я замуж не выходила – никто мне не понравился ни разу. А без любви как замуж выходить? Никак. Тут я всегда была идеалисткой.

И ребеночка Боря не успел мне оставить, так и прокуковала я свой женский век в одиночку.

Сейчас-то думаю, может не права была, что так жила? Ведь сватались ко мне мужчины и не раз – в молодости я уж какой красоткой была! Статная, румянец во всю щеку, коса до попы, и фигурой природа не обидела – все при мне было.

Да только сердце так и осталось холодным. Ни один мужчина его разжечь не смог больше, словно с мужем и душа моя в могилу легла...

Это я все в том сне вижу, и рассуждаю тоже в нем. Или сон мой тоже галлюцинация?

Еще снится огромный завод, где я половину жизни проработала сначала архивариусом, а потом начальником отдела делопроизводства. Вот мы отмечаем мое назначение на должность – весело было. Зря говорят, что женский пол завистлив, в моем отделе хоть и работали одни женщины, а жили мы дружно, считай, душа в душу. За несколько десятилетий как родные стали.

Картинки сменяют одна другую. Вижу, как празднуем какой-то Новый год в отделе. Столы накрыли, елочку нарядили... Вот Восьмое марта, цветы, подарки от мужчин...

Вот меня провозжат на пенсию. А вот я умираю...

Таю в какой-то серой дымке, а вместо меня появляется девушка, совсем юная в нежном розовом платье. Золотоволосая, тоненькая, как тростиночка, с ещё не оформившейся фигурой и угловатыми движениями. Я не вижу ее лица – там размытое пятно – но я знаю, что она очень хорошенькая.

Она машет мне рукой и тонкий, почти детский голос прозвонит:

– Живи, Леночка... Тебе нужнее...

Выныриваю из кошмара вся в поту. Долго лежу, приходя в себя. Слушаю бешеный стук сердца и рыдаю – теперь я уверена, что там, в своем мире я умерла. И девочка эта тоже – отдала мне свое тело, а сама почему-то ушла. Я поднимаю руку, затем вторую. Подношу их к глазам и долго рассматриваю. Они тонкие, как веточки, все в желто-зеленых пятнах застарелых синяков. Пальцы и запястья изящные, словно у принцессы, – у меня, у Леночки, никогда таких не было. Я всегда была кровь с молоком.

Закрываю глаза и шепчу сквозь слезы:

– Спасибо тебе, девочка. Я обязательно выживу, обещаю...

С того дня, как Али объявил, что меня начнут готовить на продажу, все меняется.

На следующее утро лекарь вместо привычного жгучего отвара приносит густой, похожий на кисель напиток.

– Пей все до капли, – велит хмуро, когда я недоверчиво принимаю и разглядываю темно-вишневую тягучую массу.

Видя, что я не спешу выполнять, рывкает:

– Пей живо! Или хочешь плетей отведать?

– Скажите хоть, что это? – я все не решаюсь попробовать, помня об отвратительном вкусе предыдущего поила.

– Тебе не все равно, рабыня?

– Даже у рабынь есть чувства, – произношу, делая крошечный глоток. К счастью, напиток оказывается приятным на вкус – с легкой кислинкой и отчетливым привкусом меда.

– Одевайся и выходи на улицу – господин Али распорядился с сегодняшнего дня выводить тебя на прогулки, – велит старик, выходя из комнаты.

Я сажусь на кровати. Спускаю ноги на каменный пол и растерянно оглядываюсь – во что одеваться? Кроме сорочки, что сейчас на мне, нет никакой другой одежды. Ответ приходит в лице фигуристой черноволосой красавицы в белоснежной тунике до колен. В руках девицы серая, вся в пятнах тряпка. Она бросает ее мне в лицо и цедит сквозь зубы:

– Одевайся и выходи.

Кое-как, все еще чувствуя страшную слабость, я стаскиваю с себя сорочку и принимаюсь натягивать принесенное платье. Долго разбираюсь в системе завязочек коротких пан-

талон, идущих в комплекте к наряду. Руки дрожат, отвыкнув делать хоть какие-то движения. Потом с трудом натягиваю само платье, оказавшееся просто мешком с дырками для головы и рук. Что-то подобное я видела в фильмах про Древний Египет. Там тоже были рабыни, и одежда у них была похожей – застиранные бесформенные хламиды.

Все время, пока я вожусь с одеждой, девица не сводит с меня глаз. Стоит, не помогая, только брезгливо кривит губы.

– Почему ты так смотришь на меня? – не выдерживаю я. – Я тебя чем-то обидела?

– Чем ты можешь меня обидеть, жалкая рабыня? Если оделась, тогда обувайся и иди – господин Лазарис ждет тебя, – шипит девица.

Кидает мне под ноги какие-то тапки, потертые и ужасно грязные на вид, словно их по очереди носило несколько поколений. Наверное, так и есть – кто будет озадачиваться новой обувью для очередной рабыни? С одной сняли, отдали следующей, да и после нее кто-то будет носить...

– А ты, значит, не рабыня? – я окидываю взглядом девушку, которая почему-то не уходит. Так и стоит, кривя губы и внимательно меня разглядывая.

Да, одета она не в такую дерюгу, что выдали мне, а в нежно-розовую тунику до колена. На ногах у нее изящные сандалии с цветными ремешками. На левой руке тонкий серебристый браслет.

– Сама не видишь, бестолочь, кто перед тобой? – девушка

задирает нос и поправляет гладкие темные волосы, красиво лежащие по плечам. Интересно, а какие у меня волосы?

С трудом удерживаюсь от того, чтобы не начать ощупывать голову – до этого момента я почти не задумывалась о том, как выгляжу. Понятно лишь, что очень худая. И груди нет, одни ребра, как сказал приятель Ганиса. Или я точная копия той девочки, что была в моем сне?

– Послушай, я не из этих мест и ничего не знаю о том, как тут жизнь устроена. Вижу, что ты девушка не только красивая, но и умная, вот и спрашиваю, – произношу это мирным тоном – буду ласковой, как советовал лекарь.

– Я любимая женщина господина Али, – гордо произносит девушка. Оскаливает белоснежные зубки и угрожающе произносит: – Если только посмеешь начать вешаться ему на шею, пожалеешь!

Делает ко мне шаг, когда я пытаюсь подняться с кровати, и с силой толкает в грудь. Я опрокидываюсь назад и со всего маху бьюсь затылком о каменную стену. В глазах темнеет, и я опять улетаю в беспамятство. Последняя мысль о той, что просила меня жить. Прости, девочка, похоже, я не справляюсь...

Инквизитор

– Стафир, для тебя задание, – складываю пергамент с письмом императора Шелая, которое перечитывал, и кладу на край стола. Беру перо и торопливо пишу на листе бумаги несколько строк, ставлю личную печать. Протягиваю документ агенту: – Возьми у казначея эту сумму. Затем немедленно отправляйся в Южную провинцию, в Гранс. Там найди работорговца по имени Али Меченый. Приди к нему под видом покупателя и выкупи рабыню по имени Федерика. Сделай так, чтобы никто не понял, что ты заинтересован именно в ней.

– Как девушка выглядит? – на неподвижном лице Стафира не мелькает ни единой эмоции – если он и удивлен заданием, ничем этого не показывает.

– Не знаю точно. Единственное могу сказать – она очень худая, с короткими, как у мальчика, волосами. Хотя волосы ей могут нарастить с помощью зелий.

– Что-то еще есть про девушку?

– Очень молода и у нее ярко-синие глаза.

«Словно зачарованные озера в горах Гримлеи», – добавляю про себя, вспомнив, как наклонился над лежащей в телеге чудовищно грязной полумертвой девочкой, и вдруг она распахнула свои глазищи. Уставилась на меня в упор, ни-

чуть не испугавшись нависшей над ней зловещей фигуры в темно-сером плаще. Прошептала: «Прощай, инквизитор», – снова опустила длинные ресницы и уплыла в свою дрему...

– На связь выходи при первой необходимости. И запомни, никто не должен знать, что в девушке заинтересована инквизиция, – добавляю жестко.

Отпустив агента, встаю и прохаживаюсь по кабинету – устал сидеть. С самого утра разбираю документы и читаю донесения. Непокойно в королевстве. Тяжко подданным под ненавистной дланью короля Цварга Вечного. «Бесконечного Цварга», как его прозвали в народе.

То там, то здесь вспыхивают очаги мятежей, с которыми приходится разбираться. Главное, не дать им разрастись, и не дать узнать о них безумцу на золотом троне. Иначе уже всем привычная королевская тирания мгновенно превратится в кровавый террор, во главе которой будет стоять Великая инквизиция...

Я прошелся вдоль шкафов, забитых папками в тяжелых кожаных переплетах – личными делами заговорщиков и мятежников, скопившимися у меня за долгие годы. Сколько их? Десятки, сотни... Много, очень много, а будет еще больше, если... Стук в дверь обрывает мои мысли.

– Мой лорд, новое письмо из канцелярии императора Шелая.

На пороге вырастает мой помощник. Его лицо не закрыто маской – он не инквизитор, просто служащий. Глаза юнца

горят восторгом и желанием быть полезным королю и лично мне. Мне, второму лицу королевства, тенью стоящему за плечом Цварга Вечного, его преданному рабу и цепному псу, Главному королевскому инквизитору.

Отпустив помощника, разворачиваю письмо. Снова задумчиво хожу по кабинету и, остановившись у стола, где лежит первое императорское послание, усмехаюсь:

– Что же ты такое, девочка Федерика? Простая служанка принцессы Маури, за возвращение которой Шелай предлагает такую же награду, как за свою дочь...

Лена-Федерика

Женский голос визжит, противно бьет по ушам, не давая досмотреть сон, потом начинает рыдать.

– Господин, я ничего не знаю! Она встала, а потом упала и ударилась головой. Я не виновата, что она такая дохлая!

– Убрать ее, – голос Али спокоен, но женщина начинает вопить совсем уж истошно.

– Господин, сжался. Я ни при чем!

Постепенно вопли удаляются, и в наступившей тишине Али размеренно произносит:

– Федерика, открывай глаза.

Шаги и движение возле моей головы. На лоб ложится жесткая ладонь.

– Ты отлично притворяешься спящей, Федерика. Полезное умение, но со мной оно бессмысленно.

Открываю глаза, морщась от слишком яркого света. Надо мной лицо Али. Между бровей хмурая складка, в глазах мелькает злость. На меня? Или на ту, что толкнула меня? Интересно, сколько я провела без сознания?

– Попробуй сесть. Целитель сейчас принесет лекарство и заберет тебя в лазарет – пока побудешь там. Но до его прихода мне хотелось бы с тобой поговорить.

Упираюсь ладонями в топчан и пытаюсь сесть. Али не помогает, просто смотрит, словно оценивает, насколько я дееспособна. Интересно, если я не смогу подняться, меня в канаву к землякам отправят? Надо хоть узнать, что это за твари такие...

– Молодец, девочка. Живучая, – Али одобрительно хмыкает, когда я с трудом, преодолевая головокружение, сажусь и пытаюсь сконцентрироваться на его лице.

Сначала получается плохо – перед глазами все плывет и колыхается. Но постепенно окружающие предметы обретают некоторую четкость.

– Что с ней будет? – спрашиваю про девицу, что толкнула меня.

– Тебе не все ли равно? Или хочешь быть уверена, что твою обидчицу как следует наказали? – губы работорговца растягиваются в белозубом оскале.

– Не знаю зачем. Может, чтобы понимать, чего можно ждать от тебя, Али.

– Лучше ничего не жди. Тогда избежишь многих разоча-

рований, – он делает шаг к кровати и теперь стоит, почти нависая надо мной.

Я поднимаю к нему лицо и произношу:

– Не бойся разочаровать меня, работорговец. Мои ожидания относительно тебя и так невысоки.

Повисает пауза. Я опускаю голову, с ужасом понимая, что сейчас моя жизнь точно закончится. И не верю своим ушам, когда над головой раздается смех.

Отсмеявшись, Али наклоняется надо мной. Его дыхание касается моей макушки, скользит сзади по шее, вызывая неконтролируемые мурашки. Еще несколько секунд, и его ладонь ложится на мою голову, нежно гладит, запускает пальцы в волосы, собирает пряди в кулак и резко дергает, заставляя меня запрокинуть лицо вверх. Прямо передо мной оказываются его побелевшие от ярости глаза.

Он наклоняется еще ближе и, почти касаясь губами моего лица, ласково шепчет:

– Знаешь, кто больше всего пользуется спросом у моих покупателей? Больше всего они ценят молоденьких красивых рабынь, у которых вырезан язык, Федерика...

Следующие несколько дней я провожу в лазарете. Все время лежу, притворяясь спящей, и пью бесконечные травяные отвары. Есть ничего не могу – меня мутит от одного запаха еды. Когда меня тормозат и требуют открыть глаза, послушно открываю, сажусь, молча выпиваю принесенное, снова ло-

жусь и закрываю глаза. Я не хочу ни с кем разговаривать и никого видеть. Когда целитель берет меня за руку, мне становится неприятно – от его ладоней идет живое тепло, которое меня раздражает.

Мечтаю только об одном, чтобы меня оставили в покое. Дали возможность лежать, закрыв глаза, или тупо разглядывать виднеющийся в окне краешек бело-голубого неба. Больше мне ничего не нужно.

Наверное, это пик душевного кризиса. Самый ужасный период первых дней в новом мире, когда я словно сдуваюсь, потеряв всякое желание сражаться за подаренную мне жизнь. Я по-настоящему готова умереть, потому что не знаю, зачем она мне нужна, эта жизнь рабыни. Когда умом я понимаю, что нужно бороться. Надо есть и надо двигаться, но желания что-то делать нет совершенно. Поэтому меня раздражает все, что мешает спокойно заснуть и не проснуться...

Странно, но единственный человек, кого я хочу видеть в эти дни, это Али. Не знаю почему, но мне кажется, что он может заставить меня жить. Возможно, дело в жестокости, которая исходит от этого мужчины и которая вызывает у меня протест и желание бороться. Или в его взгляде, который я иногда ловила на себе, пристальном, изучающем, который тоже будит в моей душе желание жить. Не знаю... Но работорговец ни разу не пришел, а спрашивать о нем я не хочу...

С каждым днем целитель Лазарис становится все мрачнее. Проверая мой пульс или вода над телом руками, хмурится и

грозит мне плетьюми, если я не пойду на поправку. Я каждый раз тихо смеюсь и обещаю исправиться, но есть по-прежнему не могу – стоит почувствовать запах пищи, и меня начинает выворачивать.

Наверное, я бы так и зачахла – почти неделя на одних отварах привела к тому, что я уже и сажусь без посторонней помощи с трудом. И радуюсь, что мне осталось недолго. Но однажды я все-таки спрашиваю про Али...

На мой вопрос целитель хмурит седые брови и ничего не отвечает. Протягивает чашу с очередным питьем и молча ждет, пока она опустеет. Лишь после этого неприветливо произносит:

– Хозяин в отъезде. Хорошо, если к его возвращению ты будешь здорова. Иначе можешь не выдержать таврение.

– Что? – мне показалось, что я ослышалась.

Тавро, это ведь такое клеймо с определённым рисунком. Его раскаляют и прижимают к коже, чтобы остался выпуклый знак. В Америке времен освоения Дикого Запада так помечали скот его владельцы. Получается, здесь люди тоже скот?

– Таврение. Клеймо тебе поставят, как всем рабам, – раздражённо отвечает старик целитель и, тяжело ступая, идет к двери. На пороге останавливается и задумчиво окидывает меня взглядом.

– Хотя, куда тебе клеймо ставить – ты же решила, что смерть для тебя будет лучшим вариантом. Ну и сдохни, трус-

ливая дура.

Дверь за целителем с грохотом захлопывается, а я замираю, глядя в пространство перед собой.

Через несколько минут тяну руку к столику возле кровати, где на тарелке лежат нарезанные фрукты – они всегда там на случай если я захочу есть. Выбираю маленький кусочек, кладу в рот и медленно, подавляя тошноту, начинаю жевать. Осторожно проглатываю и беру еще один. Съев, внимательно прислушиваюсь к своим ощущениям и с облегчением закрываю глаза – спасибо вам, господин Лазарис, за ваши жесткие слова. Кажется, я больше не хочу умирать.

8

У Али огромный дом: трехэтажный со множеством лестниц, комнат и коридоров. Именно коридоры запоминаются мне, когда я, чуть окрепнув, с разрешения Лазариса начинаю бродить по жилищу работорговца.

Коридоры странные: узкие и расползаются во все стороны, словно криво сплетенная паутина. Можно пойти по одному из них и попасть в огромную комнату со множеством низких диванов и полом, застеленным коврами так плотно, что не видно ни одного неприкрытого кусочка. Темную, пахнущую чувственностью и восточной жестокостью комнату. Можно выйти из неё, свернуть на первом же повороте и по другому коридору прийти в крошечную клетушку, где нет ничего, кроме кресла и окна во всю стену. За окном открывается вид на горы, или море, или далекие островерхие крыши какого-то замка – их несколько, таких комнат, на разных сторонах дома.

Пользуясь тем, что мне не запрещают, я забираюсь с ногами в эти кресла и подолгу сижу, глядя в окно. Иногда смотрю на белые сверкающие пики гор, изумительные в своей вечной неподвижности. В следующий раз рассматриваю изумрудную гладь воды и пестрые полосатые паруса на мачтах снующих туда-сюда суденышек. На замок смотреть скучно – там никогда ничего не меняется – всегда острые пики крыш

и ярко-голубое, без облаков небо.

Меня никто не трогает, со мной никто не разговаривает. Служанки, которых я иногда встречаю во время своих блужданий, бросают на меня быстрые взгляды, кланяются и тотчас исчезают. Я, словно прокаженная, от которой все шарахаются. Но меня это устраивает.

Иногда я забираюсь в какой-нибудь укромный уголок, и оттуда наблюдаю за жизнью дома. Изучаю, как тут организована работа слуг и даже запоминаю некоторых девушек по именам...

Али давно вернулся из своей поездки – мне об этом сказал Лазарис, – но ко мне ни разу не зашел. Я тоже не рвусь с ним встречаться. От нашей последней встречи у меня осталось странное ощущение, противным мохнатым клубком катающееся по желудку. Стоит вспомнить работоторговца, чувствую смесь презрения, вины и благодарности. Словно он сделал что-то такое, чего я не могу ему простить. И в то же время точно знаю, что сама сделала ему больно, причем намеренно.

Но я не сказала Али ничего, чего не чувствовала бы на самом деле. И благодарна ему, что одной своей фразой он лишил меня всех иллюзий. Так же, как это сделал лекарь Лазарис словами про трусливую, желающую умереть дуру. Когда иллюзии уходят, освобождается место для надежды – именно ею я сейчас живу.

Теперь я не хочу умирать, поэтому хорошо ем и много сплю, набираясь сил. И все эти дни я много думаю. Думаю

о девочке, чье тело заняла: кто она, как очутилась среди невольников и почему Али при первой встрече назвал меня принцессой? Размышляю о своем непонятном положении в доме работорговца. Я рабыня, но меня одевают не так, как остальных, разрешают гулять, где захочу, и никто не заставляет работать, хотя я давно уже могу это делать.

Еще думаю о том, что, как только окончательно поправлюсь, меня отведут в сарай в дальнем углу двора. Там расположена кузня, и там мне выжгут на запястье знак принадлежности хозяину. Почему-то умереть мне было не так страшно, как ожидать то, что меня пометят, словно скотину. И напряженно, ежеминутно думать о том, что если со мной это случится, я могу снова перестать хотеть жить...

Сегодня я иду по очередному коридору, который может вывести куда угодно, и ищу библиотеку – надеюсь, тут есть хоть что-то подобное. Я не знаю, умею ли читать и писать на местном языке, поэтому собираюсь проверить это. Не понимаю, для чего мне это нужно – вряд ли в этом мире грамотные рабыни в большой цене. Тут котируется совсем другое – молоденькие красотки без языка. Но что-то подсказывает мне, что выяснить это нужно.

За очередным поворотом навстречу мне вылетает девушка в сером платье рабыни. С силой толкает меня, так что я отлетаю к стене и снова бьюсь своим многострадальным затылком. Смотрю ей вслед и вдруг узнаю – это та самая, что приходила ко мне. Сказала, что она любимая женщина гос-

подина Али, потребовала не лезть к нему в постель и толкнула меня.

Сейчас девушка торопливо семенила по коридору, прижимала к лицу ладони и выла, словно раненое животное. Ее черные волосы уже не струятся по плечам блестящим водопадом, а неровно обрезаны почти под корень и торчат некрасивыми клочками. На ногах у нее потертые тапки, заменившие собой изящные сандалии с разноцветными ремешками. Тонкое запястье с темной отметиной клейма больше не украшает серебряный браслет...

– Что ты здесь делаешь, Федерика? – резкий голос, прозвучавший словно щелчок кнута, заставляет меня вздрогнуть.

Я оборачиваюсь и натываюсь на равнодушно глядящие на меня голубые глаза – возле одной из дверей, скрестив на груди руки, стоит Али.

Сколько мы не виделись? Недели четыре, наверное. Кажется, он похудел. Лицо осунулось, скулы заострились, странным образом сделав его еще мужественнее и красивее.

Кожа потемнела, а волосы, наоборот, стали светлее, будто он много времени проводит на солнце. Я молчу, рассматриваю его, даже не подумав склониться в положенном поклоне, хотя знаю, что обязана это сделать. Но я не могу – какая-то сила заставляет меня стоять, гордо выпрямив спину и смотреть ему в глаза.

– Я задал тебе вопрос, Федерика. Или в мое отсутствие

тебе все-таки отрезали язык?

– Не беспокойся, работорговец, мой язык на месте – тебя ведь здесь не было, так что ему ничто не угрожало.

Али дергает щекой, обнажает зубы в жестокой ухмылке и неспешно идет ко мне. У него такое выражение лица, что я начинаю пятиться, пока не упираюсь спиной в стену. Едва удерживаюсь от того, чтобы зажмуриться от страха, когда он нависает надо мной, и кляню свою несдержанность. Али так близко, что я остро чувствую его запах – душистый табак, мускус и ярость. Не выдерживаю, закрываю глаза, и тут же звучит окрик:

– Смотри на меня!

Двумя пальцами он толкает мой подбородок вверх, заставляя поднять лицо. Долго скользит по нему ничего не выражающим взглядом. Затем с силой стискивает мне челюсти:

– Открой рот. Нужно проверить твои зубы, рабыня.

Сдавливает еще сильнее и довольно оскаливается, когда я начинаю стонать от боли. Отпускает, и пока я хватаю воздух и едва не плачу от унижения, запускает пальцы в мои короткие волосы. Ленивым движением перебирает, внимательно рассматривает, оценивая их густоту. Затем равнодушно произносит:

– А теперь разденься, Федерика. Хочу посмотреть, появилось ли у тебя хоть что-то, за что можно взять с покупателей деньги – завтра тебе поставят клеймо, и ты пойдешь на продажу.

Мне кажется, что я ослышалась.

Тупо повторяю:

– Раздеться? Здесь?!

Судорожно сцепляю пальцы и замолкаю, надеясь, что приказ просто шутка.

– Мне долго ждать, Федерика? – в голосе Али появляется металл.

В полной растерянности я поднимаю глаза к его лицу, и мы снова сцепляемся взглядами. В голубых глазах мужчины смесь льда, злости и досады, и капля горечи на самом дне зрачков.

Я облизываю пересохшие от страха и возмущения губы и с трудом произношу:

– Что нового ты надеешься найти под моим платьем, Али? Ты много раз, не спрашивая моего согласия, рассматривал мое тело. С тех пор в нем не появилось ничего нового.

– Кажется, ты до сих пор не поняла, что твое согласие – это последнее, что меня интересует, рабыня. Я могу забрать все, что у тебя есть – твое имя, твое тело. И, конечно, твою жизнь...

И снова окрик:

– Разденься!

– Нет! – слово слетает с моих губ раньше, чем я успеваю подумать.

В тот же миг мужские пальцы сминают ворот моей туники. Рывок, и ткань с треском расплзается в стороны, обна-

жая меня почти до пояса. Я ахаю, отталкиваю руки работорговца и тяну слетевшую с плеч тунику обратно. Еще один окрик. Ещё рывок, и остатки моего платья отлетают в сторону, жалкой кучкой приземляясь на пол у стены. Теперь я стою перед работорговцем абсолютно голая. Судорожно прижимаю руки к груди, пытаюсь прикрыться, и опять, словно щелчок бича, звучит:

– Опусты руки!

От равнодушия Али не осталось и следа. Он тяжело дышит, челюсты сжаты, подбородок напряжен, а в голубых глазах плещется ничем не прикрытое бешенство.

– Ты плохо слышишь, рабыня?!

Я набираю полные легкие воздуха, распрямляю плечи и медленно опускаю руки. Приподнимаю подбородок и, глядя Али в глаза, насмешливо произношу:

– Можешь смотреть, работорговец.

Твердые губы сжимаются в узкую полосу, голубые глаза темнеют и начинают неспешно скользить по моему телу. Я уже знаю, что оно не очень красиво – худое, с крошечной грудью, узкими бедрами и тощими ногами. Не то, что ценят мужчины в этом мире. И не то, что нужно Али. И почему-то мне все равно, что он смотрит. Ненависть к этому мужчине вытеснила из моей души и стыд, и смущение, и страх.

Именно поэтому я еще выше задираю подбородок и презрительно цежу:

– Какое счастье, что не ты будешь хозяином моего тела,

работорговец. Если бы это случилось, я бы предпочла умереть...

Голубую радужку снова покрывает ледяная корка, красивые губы разжимаются:

– У тебя будут сотни поводов умереть, принцесса Фредерика.

Взгляд голубых глаз снова перетекает с моего лица вниз, к шее, затем от ключиц к груди. На впалом животе надолго задерживается, и я чувствую, как он нервно дёргается и вытягивается, почти прилипая к спине. Губы Али усмеваются, а глаза почти осязаемо шарят по моим ногам. Замирают на щиколотках и быстро возвращаются к лицу. Глядя мне в глаза, Али брезгливо цедит:

– Тело у тебя и впрямь лучше не стало. Можешь идти куда шла.

Я поворачиваюсь и под его тяжелым взглядом иду в сторону лазарета, даже не подумав прикрыться хотя бы остатками своей туники. Так и шагаю обнаженная до своей комнаты под насмешками и шепотками встречных. Не обращаю на них внимания – мне плевать. Только когда на пороге комнаты сталкиваюсь с изумленным взглядом Лазариса, из моих глаз начинают капать слезы.

Вечером я сижу в кабинете целителя. Неспешно пью отвар, который он готовит для меня дважды в день, и покачиваюсь на деревянной табуретке. Лазарис в это время копается в своем огромном шкафу, где, как я уже знаю, хранит са-

мые ценные ингредиенты и готовые зелья. Последнее время наши с ним отношения немного потеплели. Во всяком случае, лекарь прекратил дергать меня за волосы, когда его что-то не устраивает в моем поведении. Я в ответ перестала называть его «господин», и, кажется, ему это понравилось.

– Что ты сегодня устроила, девочка? – спрашивает Лазарис неожиданно, выныривая из своего шкафа со склянкой в руке.

– О чем ты?

Старик сверкает на меня глазами и мрачно поясняет:

– О том, что ты пришла в свою комнату обнаженной. И о том, что господин Али голыми руками разнес половину своей спальни. Пришлось накладывать мази на его разбитые костяшки.

Резким движением Лазарис вырывает у меня пустую чашу и наклоняется к моему лицу.

– Завтра вечером будет таврение. Заклеймят всех недавно доставленных рабов. Тебя тоже.

– Знаю. Али еще утром пообещал мне это, – я зло усмехаюсь.

– «Господин Али», дерзкая нахалка! – одергивает меня целитель. – Если бы ты вела себя, как я учил, завтра твоей кожи не коснулось бы раскаленное железо.

– Не завтра, так послезавтра коснется, или через месяц, – равнодушно произношу я, отворачиваясь, чтобы старик не увидел панику в моих глазах.

– Ты вообще могла избежать этого, если бы была умнее, – буркает Лазарис.

– Чтобы избежать этого, нужно сбежать, – шучу я и вдруг застываю, ошарашенная пришедшей в голову мыслью.

Сбежать! Почему я раньше об этом не подумала?!

– Не смей даже помыслить о таком, девчонка! – рявкает старик, словно прочитав мои мысли. – Никому еще не удалось убежать так, чтобы не поймали. А когда поймают, то лучше сразу умереть, чем вытерпеть наказание и то, во что потом превратится твоя жизнь.

– А так меня ждет счастливая жизнь, да? – усмехаюсь я. – Не волнуйся, это просто шутка. Куда мне бежать?

– Вот и правильно, нечего мечтать о несбыточном. На тебя уже есть покупатель. Давно ходит по городу, все спрашивает, не появилась ли у кого молодая рабыня с синими глазами, – рявкает Лазарис.

– Лазарис, у меня синие глаза? – тихо спрашиваю я. – Я ведь ничего о себе не помню... Ни имя, ни возраст. Ни как выгляжу... У меня даже зеркала нет, чтобы посмотреться...

– А имя рода откуда взяла? – Лазарис снова склоняется к полкам в шкафу, и теперь его голос за распахнутыми дверцами звучит глухо и невнятно.

– Придумала. Просто сказала, что в голову пришло, – отмахиваюсь я и, ни на что не надеясь, спрашиваю: – А почему еще никому не удалось сбежать?

Старик долго молчит, а потом нехотя произносит:

– Глупые потому что. Бегут, не зная главного...

9

– Чего они не знают, Лазарис? Как это возможно, чтобы никто не смог сбежать? – спрашиваю тихо, стараясь не вспугнуть его неожиданную разговорчивость.

Лазарис отходит от шкафа с новым пузырьком в руках. Хмурится, словно уже жалеет о своей откровенности. Я с замиранием сердца жду, что он просто промолчит или, как обычно, заругается и тоже ничего не скажет. Но неожиданно он протягивает мне флакон, который держит, и хмуро буркает:

– Возьми. Завтра перед таврением выпей – это притупит боль. А ответить на твой вопрос я не могу – клятву давал.

Он отворачивается и отходит к широкому столу возле окна на всю стену. Стоя ко мне спиной, принимается перебирать лежащие там инструменты. Бесцельно перекладывает с места на место и напряженно молчит, а я размышляю над его словами.

Что, что может помешать рабу убежать? Много чего. Например, нет места, где можно спрятаться после побега. Зато есть рабская одежда, по которой беглеца сразу вычислят. Что еще...? Что необходимо для успешного побега? Деньги? Помощник? Средство передвижения? Возможно, все это было у кого-то из пытавшихся совершить побег... Но Лазарис утверждает, что никому это не удалось.

– Скажи, только у Али не сбежал никто или вообще...? – осторожно интересуюсь я.

– Всех рано или поздно находят. Обычно сразу после побега, – старик вдруг с такой силой стискивает в пальцах какой-то инструмент, что тот с громким треском ломается.

– Ты тоже пытался бежать! – доходит до меня. – Ты все знаешь по собственному опыту....

Лазарис молчит, все так же не поворачиваясь ко мне лицом, только обычно прямые плечи бессильно опускаются.

– Все давно прошло и забыто, – произносит глухо после паузы. – Но тебе я не советую повторять мой опыт.

– Но ведь ты остался жив? И прекрасно устроился в доме Али, – я никак не успокаиваюсь.

– "Господина Али", Федерика! – рявкает на меня лекарь.

Я молчу, а старик, наконец, отворачивается от стола и идет ко мне.

Требует:

– Дай зелье обратно, глупая! Пусть тебя заклеят как всех прочих, чтобы поняла, что такое боль!

Пытается выхватить у меня флакончик, но я успеваю спрятать руку за спину.

– Не отдам! Ты думаешь, я не знаю, что такое боль, глупый старик?!

Свободной рукой я хватаю край длинного рукава его кафтана и задираю, обнажая худое старческое запястье. Воскли-цаю:

– Ты должен меня понять! У тебя есть клеймо, Лаза..., – и ошеломленно замолкаю – прямо над темным пятном рабочего знака я вижу на коже лекаря татуировку, бледную, почти затертую, но все еще различимую. Такие наколки набивали мужчины в годы моей юности, в основном сидельцы на зоне. Иногда подростки из неблагополучных семей. Еще моряки, но у тех чаще были якоря, волны да чайки.

«Лёня + Маша» – вот что выбито на руке Лазариса. Я выпускаю край рукава из ослабевших пальцев и перевожу взгляд на его застывшее, изрезанное морщинами лицо. Растерянно спрашиваю:

– Почему ты Лазарис, а не Леонид?

– Воскресший Лазарь из Библии.

– Как давно ты попал сюда? – мой голос звучит глухо от наполнивших его эмоций.

– Не важно. Если ты кому-то расскажешь об этом, пожалеешь, Федерика. Или как там тебя звали раньше..., – старик нависает надо мной, угрожающе сжав кулаки.

В его голосе ни грана тепла или радости, что в этом мире нашлась родственная душа.

Я запрокидываю голову и усмехаюсь ему в лицо:

– Не понимаю, о чем ты говоришь, лекарь. Мое имя Федерика и раньше меня тоже звали Федерикой. Так же, как тебя всегда звали Лазарисом.

Старик снова отходит к столу и, отвернувшись от меня, повторяет:

– Даже думать не смей о побеге. Меня тогда спас господин Али, потому что я был нужен ему. Тебе никто не станет помогать – единственный, кто мог бы это сделать, ненавидит тебя.

– Не волнуйся, я тоже его ненавижу, твоего Али. Да, я бы не отказалась от его или твоей помощи – не гордая, приняла бы. Но раз нет, значит сама буду справляться. Быть заклеянной скотиной – это не моё, Лёня.

Я встаю со своей табуретки и, глядя в его спину, спрашиваю:

– Дело в нем, да? Клеймо причина того, что всех беглых рабов находят. Это как чип, вшитый породистой собаке под кожу – с его помощью всегда можно отследить ее местонахождение. Только у нас используют электронику, а тут магию, наверное...

Старик не отвечает, но по его напрягшимся плечам я понимаю, что угадала. Что же, значит, нужно любой ценой избежать клеймения. Вопрос – как?

Притвориться больной в надежде, что меня не будут трогать? Не пойдет – Лазарис быстро выведет меня на чистую воду. Рассчитывать на его поддержку нет смысла – он служит Али не за страх, а за совесть или из чувства благодарности, что еще хуже для меня. В любом случае действовать против хозяина лекарь не будет.

Какие еще варианты? Спрятаться и выйти из укрытия только когда все закончится? Найдут и все равно клеймят.

Еще и выпорют вдобавок – здесь с этим просто.

Весь вечер и половину ночи я хожу из угла в угол по своей крошечной комнатушке – три шага в одну сторону, разворот, три шага в другую – и старательно размышляю.

Главная проблема в том, что я вообще ничего не знаю об этом мире: ни о законах, ни об образе жизни. Да что там говорить, даже название места, где расположен дом Али, не знаю! Я словно младенец, ничего не ведающий о мире, в котором он очутился. Даже если я смогу избежать клеймения и сумею убежать, где мне взять одежду обычной женщины, не рабыни, чтобы меня не поймали в первую же минуту? Куда идти, где прятаться, и чем потом зарабатывать на жизнь?

В какой-то момент я даже застонала от отчаяния, что реальных выходов у меня только два – покориться рабской участи или умереть. Но умирать я себе запретила. А быть рабыней – тоже нет! Да, говорят, что человек ко всему привыкает и к доле раба тоже. Но что-то во мне упрямо восставало против этого...

Ничего не придумав и окончательно выбившись из сил, ближе к рассвету падаю на жесткую лежанку, служащую мне кроватью. Закрываю глаза и проваливаюсь в беспокойный, наполненный мрачными картинками сон.

В этот момент я еще не знаю, что три сестры, где-то на небесах скручивающие пряжу моей судьбы, уже дернули каждая за кончик своей нити, запутывая ее еще больше. И что их посланец уже стоит на пороге дома Али Меченого –

первая глава моей новой жизни закончена.

Королевский дворец

Сегодня в тронном зале было чуть светлее, чем обычно. Кроме факелов мрак большого стылого помещения разгоняли установленные возле золотого трона жаровни – старый король отчаянно мерз. Отсветы тлеющих углей добавляли привычной полутьме кровавых оттенков, делая ее еще более зловещей.

Исполинские фигуры кверков возвышались за спиной Цварга Вечного. Неподвижные и молчаливые, словно каменные статуи, они готовы по первой команде хозяина уничтожить любого.

Сам властитель полулежал на мягких подушках, обильно устилавших жесткое сиденье его трона. Морщинистое лицо короля с глубокими провалами глазниц болезненно кривилось. Лежащие на подлокотниках руки дрожали и время от времени дергались в рваных конвульсиях. Ему было холодно и страшно от подступающей все ближе беспомощности.

– Ты нашел ее? – просипел Цварг, обращаясь к мужчине в сером плаще, склонившемся перед ним в приветствии. – Месяц, как я велел тебе отыскать принцессу Маури. Но вместо девки в свою постель получил только твои обещания. Ты стал плохо служить своему властелину, инквизитор.

– Не так просто найти девушку, которую не видел никто,

кроме ее родителей и двух – трех доверенных слуг, ваше величество. Вы знаете, что император Шелай скрывал свою единственную дочь от всех, опасаясь за ее жизнь.

– Скрывал, скрывал, да ничего не помогло – украли его отродье, – король довольно захихикал, неожиданно оборвал смех, ударил кулаком по подлокотнику трона и завизжал: – Мне плевать на оправдания! Почему ты до сих пор не выполнил мой приказ, главный инквизитор королевства?! Мне нужна эта девка!

– Я приложил все усилия, чтобы порадовать вас, ваше величество, – почтительно произнес инквизитор, не обращая внимания на королевское недовольство. – Моим ищейкам удалось взять след принцессы.

– Где она?! – от волнения король привстал на тощих ногах, но не удержался и рухнул обратно на подушки. Проскрипел: – Мне необходима ее магия. Ты видишь, инквизитор, что я... приболел. Мне нужно лекарство из ее девственной крови и магии ее отца. Где она?

– После похищения принцессу Маури с ее служанкой везли на корабле под флагом капитана Фаррагаса из Гримлы. Кто был заказчиком похищения, установить не удалось, но корабль направлялся к берегам Гримланского царства.

– Где сейчас корабль и его груз? – король в нетерпении поерзал на своих подушках.

– В пути на судне началась эпидемия сухотной лихорадки. Половину матросов капитан отправил на корм рыбам, как

только у них проявились первые признаки болезни.

– Кха-кха, – смех короля был похож на карканье. – У рыб был знатный пир в тот день!

– Думаю, да, но этими мерами остановить эпидемию не удалось. К сожалению, заболела и принцесса Маури. Она мертва, повелитель. Можно сообщить об этом ее отцу – доказательству ее гибели у меня.

Король задумчиво пожевал тонкими синеватыми губами:

– Нет, мы не будем ничего сообщать этому спесивому магу... Пусть и дальше ищет свою доченьку.

Старик умолк, продолжая задумчиво шевелить губами. Потом уставился на инквизитора тяжелым взглядом. Долго рассматривал закрывающий лицо капюшон с узкими отверстиями для глаз, неприязненно произнес:

– Почему вы всегда прячете свои лица? Что-то скрываете?

– Так повелели наши предки, ваше величество, – инквизиция не имеет лица, – ответил мужчина в плаще.

Теперь в его голосе не было почтительности, только лед и металл. На миг король Цварг смутился, затем взял себя в руки и медленно, словно смакуя каждое слово, произнес:

– Пора подумать, нужны ли нам давно забытые заветы давно исчезнувших теней...

– Ничто не исчезло, и ничто не забыто. На заветах Первopедков держится наш мир и королевская власть, ваше величество. Вам ли не знать этого...

– Да, держится.

Руки короля затряслись еще сильнее. Чтобы унять дрожь, он вцепился в подлокотники трона.

Недовольно зашипел:

– Ты огорчил меня. Очень огорчил. Ты не сумел найти для меня принцессу, инквизитор. Не знаю, смогу ли я простить тебе эту оплошность.

– Ваше величество, к моменту, когда пришло письмо императора, его дочь была мертва. И ни один некромант не смог бы ее оживить – рыбы в Эритейском море очень прожорливы. . . , – голос инквизитора был все еще холоден, но теперь в него вернулась обычная почтительность.

– Так и быть, я прощу тебя, мой друг, за эту хорошую шутку, – старик на троне захохотал, захлопал в ладоши, не заметив, как мужчина в плаще непроизвольно дернул плечом на словах «мой друг».

– Жаль, что не удастся попробовать волшебной магии принцессы. Ну а где ее служанка? Наверняка, она тоже сладкая булочка – Шелай не подпустил бы кого попало к своей дочери, – проскрипел король отсмеявшись.

– Корабль капитана Фаррагаса провел две недели на карантине в одной из лагун недалеко от Гранса. По его окончании служанку принцессы продали работоторговцу, гоблину по имени Кришц. Девушка умерла через два дня после этого. Полагаю, от истощения – пока корабль стоял на карантине ее практически не кормили.

Король сцепил перед собой трясущиеся руки:

– Сдохла, и ладно – мне она не интересна, если только не девственница. Но ты напомнил мне об одном деле, инквизитор. У меня на ложе две недели не было ни одной подходящей девки. Уже две недели! Мои евнухи ежедневно отправляются на рынки и рабские аукционы, но возвращаются с пустыми руками. Словно все девственницы в столице вдруг закончились! Я уже хотел наказать слуг за нерадивость...

Цварг выпрямился на своих подушках и торопливо заговорил, словно изнутри что-то его распирало, и он торопился излить это наружу.

– Но вчера я вспомнил про Гранс, инквизитор! – выпалил Цварг, в своем странном возбуждении он не заметил, как напугавшись мрачная фигура в сером плаще, и визгливо продолжил:

– Гранс – самый южный порт, куда причаливают все корабли с рабами, прибывающими в мое королевство. Гранс, где работоторговцев больше, чем бродячих псов на городском рынке... Уже сегодня мои евнухи скупают там всех нетронутых рабынь. Всех! Я подписал указ! По нему все городские торговцы девками обязаны открыть свои загоны с рабами!

Словно в бреду, Цварг прикрыл свои полинявшие за столетия глаза и продолжил выкрикивать, не видя ничего вокруг:

– У меня будет много девственниц, инквизитор! Много, столько, сколько я захочу! Сколько мне надо, чтобы снова стать молодым...

Мужчина в сером плаще повернулся и, не прощаясь с Цваргом Вечным, вышел из зала. За его спиной в неверном свете факелов остались неподвижные фигуры кверков и старик на золотом троне, продолжавший что-то бормотать, визгливо смеяться сам с собой и довольно потирать ладони...

Через минуту в небо над островерхими крышами королевского дворца взмыл огромный черный дракон. Яростно взревел, выпустив столб пламени. Расправил мощные крылья и стремительно полетел на юг, растворяясь в безоблачном небе над великим королевством Аштаной.

Лена-Федерика

Просыпаюсь на рассвете от того, что меня грубо трясут за плечо.

– Вставай, Федерика. Быстро! Да открывай же ты глаза!

С трудом разлепляю веки и пытаюсь сообразить, что происходит. Надо мной склонилось женское лицо, молодое и симпатичное. Я видела эту девушку в доме Али, она одна из трех старших служанок. У работоторговца выстроена строгая система иерархии среди слуг, прямо как в армии.

– Живее, бестолочь!

Пока я разглядываю ее и сонно хлопаю глазами, девушка выходит из себя и, схватив меня за руку, буквально сдергивает с лежанки. Я с глухим стуком падаю на каменный пол, отшибая себе бедро и локоть. Шиплю от боли и злости, зато мгновенно слетают все остатки сна. Опираясь на лежанку, кое-как встаю и, потирая ушибленные места, рывкаю:

– Что надо?!

– Одевайся! – в лицо мне летит какая-то тряпка, и девушка почти с ужасом восклицает. – Да поторопись же ты, если не хочешь сдохнуть!

Подгоняемая отчаянием, зазвучавшим в ее голосе, я быстро скидываю ночную сорочку и натягиваю принесенное пла-

ть. Успеваю только удивиться, что это не одежда рабыни со специальной меткой на груди, а какая-то другая. Замечаю, что и на девушке такое же платье, только белого цвета, а мое светло-желтое.

– Обувь! – девушка кидает мне под ноги новенькие сандалии с длинными ремешками и тревожно озирается на дверь.

Кричит мне:

– Федерика, живее, если не хочешь, чтобы тебя оставили здесь! – и вдруг срывается в коридор.

Не понимая, зачем это делаю, но уже зараженная беспокойством, я подхватываю принесенные сандалии и босиком выбегаю из комнаты. Тонкая фигурка в белом почти скрылась за поворотом, ведущим к выходу из лазарета, и я припускаю в ту сторону. Бегу что есть сил, чувствуя, как разрастается в груди ком тревоги. Коридор заканчивается, и я замираю на пороге двери, ведущей во двор. Тревожно озираюсь и замечаю перед задними воротами крытую повозку. В нее как раз забирается девушка в белом платье. Собираюсь тоже бежать туда, но сзади в мое плечо впиваются жесткие пальцы.

– Северные ворота, Федерика. Иди на север, – в еле слышном шепоте с трудом узнаю голос Лазариса. Пытаюсь оглянуться, чтобы спросить, что происходит, но тут в мою ладонь вталкивают что-то твердое, завернутое в ткань.

– Что там, на севере? – спрашиваю, машинально стискивая пальцы.

Вместо ответа получаю толчок в спину, от которого вылетаю чуть не на середину посыпанного белым песком двора.

Вслед доносится еле слышное, сказанное по-русски:

– Прощай, землячка. Найди хоть ты свое счастье.

Я припускаю к повозке, возле которой стоит зверского вида мужик с бритым черепом и злобно буравит меня глазами. На бегу успеваю повернуть голову, чтобы еще раз взглянуть на лекаря, но в дверном проеме уже никого нет...

– Живо! – рычит бритый мужик, когда я подбегаю.

Подхватывает меня огромными ручищами и буквально закидывает в кузов. Приземляюсь на колени, обдирая их о грубые доски днища и застываю, шипя от боли и пытаюсь отдышаться. В одной руке я крепко сжимаю ремешки своих сандалий. Пальцы другой судорожно стискивают то, что дал мне лекарь. Плотный полог на входе падает, погружая нутро кибитки в густую темноту. Громкий щелчок бича снаружи, гортанный окрик, и, скрипя колесами, повозка трогается с места.

– Иди сюда, – зовет из темноты нежный женский голос, и чьи-то руки тянут меня, помогая подняться.

Я наощупь усаживаюсь на твердую лавку, прижимаюсь спиной к стенке повозки и замираю, пытаюсь понять, что происходит.

– Фу-у-у, – длинно выдыхает женский голос справа от меня. – Святые Предки, успели удрать!

– Погоди радоваться, дура, – одергивает ее другой голос. –

Когда живые и здоровые в дом господина Али вернемся, тогда будем улыбаться, и Предков благодарить.

– Сама дура, – огрызается моя соседка. – Главное, что из дома выехали, и теперь никто не скажет, что мы рабыни, даже если остановят на проверку.

– Главное, чтобы Евлин успел нас вывезти из города и спрятать.

Наступает тишина, разбиваемая только скрипом колес и щелчками бича возницы. Постепенно мои глаза привыкают к темноте, и я начинаю различать окружающее. Кроме меня в повозке еще десять девушек. В полутьме их лица видны нечетко, но я все равно узнаю – все они служанки из дома Али. Все в светлых платьях, похожего на мой фасона.

– Что случилось? Куда нас везут? – спрашиваю шепотом у соседки справа.

Я вспоминаю ее имя – Ваниса. Она несколько раз приносила мне еду в лазарет. Девушка придвигается ко мне и шепчет, почти касаясь губами уха:

– В город прибыли королевские евнухи. Старый урод издал указ, что все девственные рабыни должны быть переданы дворцовым закупщикам. Сейчас отряды стражи ходят по домам торговцев рабами и проверяют всех женщин. Хорошо, что Евлин узнал об этом еще ночью и успел предупредить господина Али. Иначе всех нас забрали бы, а там, сама знаешь, что было бы...

– Что? Я ничего не знаю, – мотаю я головой.

– Точно, тебя ведь недавно привезли, – Ваниса еще ближе подается ко мне. – Король каждый день берет на ложе девственницу и лишает невинности. После ее убивают – живьем закапывают в землю.

– Мать честная! – вырывается у меня.

– Что вы там шепчетесь?! – недовольно прикрикивает та самая девица, что принесла мне платье. – Заткнитесь, и без вашего шушуканья тошно. А ты, Федерика, лучше бы надела обувь – до Северных ворот недолго осталось. Там нам придется идти пешком.

Моя соседка фыркает, но послушно замолкает, видимо, авторитет старшей по должности здесь непререкаем. Я тем более молчу и решаю последовать совету и обуться. В ладони по-прежнему крепко сжимаю то, что дал Лазарис, напряженно размышляя, как бы посмотреть, что там. Пальцы просто зудят от нетерпения развернуть тряпицу, но я сдерживаю глупое желание. Все равно ничего не разгляжу в темноте, а другие могут заметить, что у меня что-то в руках.

Поэтому, копаясь с сандалиями, я осторожно забираюсь рукой под подол платья и засовываю сверток в маленький кармашек, который вчера пришила к панталонам, выполняющим здесь роль трусов. Не знаю, зачем я его сделала. Просто сидела, и вдруг в голову стукнуло, что так нужно. Нитки и иголка у меня были – как раз накануне зашивала дырку на подоле. Оторвала клочок ткани от простыни и смастерила потайной карман. Как знала, что пригодится. Затолкав свер-

ток в надежное место, еще вожу руками по ремешкам сандалий, проверяя, крепко ли завязала, и выпрямляюсь.

В повозке становится светлее – солнце уже взошло, и его лучи сквозь щели пробираются внутрь кузова. Теперь я могу хорошо разглядеть остальных девушек. Все сидят молча, явно нервничая. Кто-то кусает губы, кто-то беспокойно сжимает пальцы или перебирает браслеты на запястьях. Браслеты... У всех на руках их по несколько штук разного вида и размеров, только у меня ни одного. В доме никто из служанок не носил украшения, значит их выдали сейчас, перед побегом... Наверняка они чем-то важны...

– Почему у меня нет браслетов? – требовательно спрашиваю, глядя на старшую служанку.

Она недовольно режет меня взглядом, но сказать ничего не успевает – снаружи раздаются крики и громкая ругань. Наша повозка тормозит, да так резко, что мы, словно кегли, валимся друг на друга и на пол.

– Что там?! Что случилось?! – раздаются испуганные возгласы. Девушки начинают подниматься, цепляясь за соседок и за лавки и испуганно тараща глаза.

– Ну-ка заткнулись и сидим спокойно! – вполголоса рявкает старшая.

Все поспешно рассаживаются по лавкам и замолкают. Да уж, с дисциплиной у слуг работорговца все просто железно! Респект и уважуха, как говорит молодежь...

– Что бы ни происходило, все молчат. Говорить буду я од-

на, – добавляет старшая и пересаживается к выходу из повозки. Оборачивается ко мне: – Сядь напротив меня, Федерика. Держи руки так, чтобы было видно, что у тебя нет клейма, поняла?!

Я послушно пересаживаюсь, кладу руки на колени, развернув запястья тыльной стороной наверх и напряженно застываю. Тревожные мысли мечутся в голове. В груди что-то беспокойно ворочается, и от волнения меня начинает потряхивать так, что руки буквально подпрыгивают на коленях.

Старшая вдруг наклоняется ко мне. Берет мои ладони в свои, пристально смотрит в глаза и тихо произносит:

– Успокойся, Федерика. Я не знаю, что там. Но, может быть, что от твоего поведения зависят жизни всех нас.

Я замороженно смотрю ей в глаза и молча киваю. Глубоко вдыхаю и медленно-медленно выдыхаю, представляя, как мое беспокойство уходит вместе с отработанным воздухом.

– Умница, – кивает старшая, отпускает мои руки и выпрямляется.

Позади повозки раздаются шаги нескольких пар ног, мужские голоса, и чья-то рука отодвигает тяжелую ткань на входе...

– Куда лезешь! Права не имеешь! – рычит наш возница, и рука, отодвигающая полог, останавливается.

– У стражи приказ досматривать все повозки!

Мы со старшей переглядываемся, и вдруг ее глаза в ужасе округляются. Она показывает пальцем на мою голову и сдавленно шепчет:

– Твои волосы! Обрезанные!

Я хватаюсь за свои короткие прядки и мысленно ахаю – хотя мне уже начали давать зелье, ускоряющее рост волос, они лишь чуть ниже ушей. Беда в том, что в этом мире отрезать волосы могут только рабыне или преступнице – это мне лекарь рассказал.

Таращу на старшую испуганные глаза, и в этот момент кто-то из девушек кидает нам платок. Старшая хватается за него молниеносным движением и накручивает мне на голову, прикрывая остриженные волосы. Вся повозка дружно выдыхает, и мы снова начинаем прислушиваться к происходящему снаружи.

– Права не имеешь! В повозке приличные женщины из моего дома, на свадьбу их везу, – это рычит наш бритоголовый возница, и полог снова задергивается.

Короткая пауза, и второй голос подозрительно тянет:

– Женщины из твоего дома? Да я тебя знаю! Ты у Али

Меченого служишь. Откуда у раба свой дом?!

– Ты, огрызок хвоста грикла! Где ты у меня рабское клеймо нашел?! Зенки с утра залил и не видишь дальше своего носа, болван! – орет бритый.

Уй-й! Сейчас он разозлит мужика, и тогда обыск нам обеспечен!

Словно подтверждая мои слова, стражник ледяным тоном произносит:

– Оскорблять меня вздумал?!

Старшая в отчаянии закатывает глаза и сквозь зубы стонет:

– Идиот Евлин! Пропадем же!

Секунду я смотрю на нее, затем решаю – встаю и отдергиваю полог. Прикрываю рукой глаза и несколько секунд жмурюсь от ударившего в лицо солнца. Перевожу взгляд на стоящих у повозки мужчин – бритого Евлина и высокого плечистого стражника лет тридцати в кожаных доспехах. У обоих злые лица. Стражник держится за рукоять короткого меча, Евлин положил ладонь на висящий на поясе нож.

Делая вид, что поправляю платок, я разворачиваю руку запястьем наружу, и взгляд стражника цепко впивается в мою гладкую, без отметины рабского клейма, кожу.

Я робко улыбаюсь, опускаю глаза и шепчу:

– Дядюшка, что случилось? Бабушка волнуется, у нее опять заболело сердце...

Из-под ресниц смотрю на задумчивое лицо стражника. Он

тоже смотрит на меня: взгляд карих глаз пробегает по моей одежде, обуви, проходится по щиколоткам, коротко задерживается на них и неспешно идет вверх. Обжигает кожу на плечах, шее и застывает на лице. Несколько секунд мы смотрим друг на друга: я – из-под ресниц, он, не скрываясь, – в упор.

Мои губы чуть растягиваются в легкой улыбке, и, затрепетав ресницами, я в смущении опускаю глаза.

– Племянница, немедленно скройся! – рывкает Евлин и тянется задернуть полог.

– Но бабушке плохо, дядя! – я округляю глаза и беспомощным оленьим взглядом смотрю на застывшего стражника.

Неожиданно из повозки звучит дребезжащий, совершенно старческий голос:

– Что там, внучка? Когда же мы поедем? Ох, мое сердце!

– Простите, бабушке плохо – она совсем старенькая и очень слаба. Но так хотела побывать на свадьбе своей любимой внучки, что папа не смог ей отказать... Возможно, это ее последнее желание, – шепчу я несчастным голосом.

Снова робко улыбаюсь задумчиво глядящему на меня стражнику. Бросаю предупреждающий взгляд на хмурого Евлина и скрываюсь в повозке, плотно задернув за собой полог. Падаю на лавку, и мы со старшей напряженно тарачимся друг на друга – не сделала ли я хуже?

Несколько секунд томительной неизвестности, и вдруг

стражник спрашивает у Евлина:

– Твоя племянница уже обещана кому-то?

– Нет еще. Слишком молодая, только пятнадцать исполнилось, – буркает бритый.

– Передай ее отцу, чтобы никому не обещал – за ней придут из дома Маврис.

– Себе берешь? – мирным голосом спрашивает наш возница, словно обсуждает покупку курицы или овцы. – Или кому?

– Себе, – так же спокойно отвечает стражник, будто не он минуту назад был готов порубить Евлина на куски, добавляет: – Поезжайте. Если кто-то захочет остановить, покажешь вот это...

Звуки шагов, повозка вздрагивает, когда грузный Евлин забирается на передок. Бич щелкает, мы трогаемся места.

– Всем сидеть молча! – шипит старшая, и девушки послушно закрывают рты.

Я пересаживаюсь на свое старое место рядом с Ванисой, закрываю глаза и некоторое время так сижу, чувствуя, как мало-помалу отпускает напряжение. Несколько минут гробового молчания, и вдруг тишину внутри повозки разбивает тихий голос старшей:

– Федерика, ты спасла нас всех.

Не открывая глаз, я пожимаю плечами и ничего не отвечаю. Никого я не спасала, думала в первую очередь о себе, о том, как мне выкрутиться из этой ситуации. Просто так по-

лущилось, что со мной вместе оказались все эти девушки...

– Откуда взялся голос старухи? – спрашиваю, открыв глаза.

– У меня такой, – хрипит сидящая напротив невысокая пухленькая очень смуглая брюнетка. Отодвигает укрывающий шею легкий шарф, и я с ужасом вижу страшный рваный шрам на нежной коже. – Мой прежний хозяин был такой зверь – за непослушание горло мне едва не перерезал. Спасибо господину Али, вылечили меня. Но шрам остался, и голос не вернулся.

Брюнеточка возвращает ткань обратно на шею и вдруг жизнерадостно улыбается:

– Зато вон как пригодилось мое хрипение. Что, отлично я изобразила бабушку, спешащую на свадьбу внучки?

Девушки начинают тихонько хихикать, и даже старшая улыбается.

– Идеально, – соглашаюсь я, тоже невольно улыбаясь – как причудливо судьба, бывает, раздает нам свои карты. И никогда не знаешь, какая из них окажется джокером.

После разговора со стражником мы едем очень медленно. Наш возница постоянно с кем-то ругается, то погоняет лошадей, то тормозит – такое чувство, что на дороге пробка из местных транспортных средств.

Я внимательно прислушиваюсь к звукам снаружи – окрикам погонщиков, ругани пешеходов и спорам возниц. Задумчиво кусаю губы и размышляю, как бы посмотреть на то, что дал мне Лазарис.

Неожиданно заговаривает сидящая напротив меня хорошенькая светловолосая девушка:

– Скажи, Федерика, стражник, что захотел тебя в жены, очень уродлив?

Я удивляюсь:

– Почему ты решила, что он некрасив? Нет, он вполне симпатичный.

– Значит он старый? – не унимается девушка.

– Нет, ему примерно... – я замолкаю, потому что не знаю, какой возраст тут считается молодым. На всякий случай отвечаю расплывчато: – В самый раз, чтобы жениться.

Девушка неприязненно кривит губы и цедит:

– Интересно, что ты успела ему показать, раз он сходу решил в жены тебя взять? Тем более он из дома Маврисов – они кого попало не берут.

– Откуда тебе знать такие вещи, Баяна? Лучше закрой рот, – одергивает ее старшая.

Девушка выпячивает губы:

– Я закрою, Герата. Но что будет с Евлином, если придут братья в жены его «племянницу», а на самом деле рабыню?

– Ничего с твоим Евлином не будет – господин Али со всем разберется. А ты сиди и молчи! – хмурится старшая, и девушка недовольно замолкает.

Некоторое время мы едем в тишине. Баяна со своего места сверлит меня злым взглядом. Старшая сидит с задумчивым видом, смотрит перед собой и хмурит брови. Я про себя усмехаюсь – неужели кто-то серьезно отнесся к словам стражника о желании взять меня в жены? Смешно! Увы, на тот момент я еще не знала, что кое-кто, помимо Али, уже считал меня своей собственностью...

Минут через тридцать непрерывного дерганья, безостановочной брани Евлина и щелчков его бича, повозка останавливается.

– Всем сидеть тихо, пока не скажу, что делать! – велит Герата, отдергивает полог и выбирается из повозки.

Одна из девушек тотчас пересаживается на ее место и, осторожно отодвинув краешек плотной ткани, выглядывает наружу.

– Мы в каком-то большом дворе, – шепотом информирует остальных. – Евлин и Герата разговаривают и чего-то ждут.

Стоило прозвучать имени бритоголового возницы, как Ба-

яна снова поворачивается ко мне, шипит:

– Смотри, Федерика, чтобы из-за тебя у моего Евлина не было проблем! Иначе...

– Иначе что? И с каких пор этот бритый стал твоим? – я усмехаюсь.

– Он обещал выкупить меня у господина Али и взять в жены! – возвещает девица. Гордо задрав нос обводит победным взглядом остальных. Почему-то никто не бросается ее поздравлять. Наоборот, все молчат, опускают глаза или отводят их в сторону.

– Обещать – не значит жениться, – произношу я на автомате земную поговорку. – Так ты уже не девственница, Баяна?

Девица резко бледнеет, стискивает кулаки и сквозь зубы цедит:

– Ах ты гадина! Почему ты поехала вместе с нами? Тебя должны были оставить в доме, я слышала разговор... Это Герата тебя привела... Я все расскажу господину Али!

– Заткнись! – рявкает на нее моя соседка слева.

– Если у Евлина будут проблемы из-за этой твари, я молчать не стану! – истерично выкрикивает Баяна. – Господин Али добрый! Решил нас спасти, поэтому приказал собрать всех девственниц, увезти и спрятать от королевских евнухов – я слышала, как он разговаривал с Евлином, – она тычет в меня пальцем и почти визжит. – А эту велел оставить в доме. Герата нарушила его приказ, и я всё расскажу хозяину!

Я застываю на своей лавке – как это, меня оставить в доме? В памяти всплывают давние слова Али: «Возможно, тебя купят для королевского ложа. Хотя даже я не могу пожелать тебе такой участи...»

Значит, Али не денег своих пожалел? Решил всех спасти от смерти, а меня одну продать в королевскую постель с полной гарантией моей скорой кончины? Но Герата почему-то его послушалась... Не сам же он передумал и отменил свой приказ?

К горлу подкатывает удушливая волна. Я опускаю глаза, чтобы никто не заметил горящую в них ненависть. Ненависть к работорговцу, к этим девушкам, недоверчиво и испуганно на меня глазающим, ко всему этому миру, от которого получаю только страх и боль. Боковым зрением ловлю пристальный взгляд сидящей рядом Ванисы. Поворачиваю к ней голову, вижу приоткрытый рот и недоумение в глазах.

– Что ты так смотришь? Тоже недовольна, что меня не бросили в доме Али?

Не дожидаясь ответа, отворачиваюсь и переплетаю пальцы рук, чтобы они не дрожали так откровенно.

В этот момент полог снова отдергивается и звучит команда выходить. Все начинают торопливо пробираться к выходу. Ваниса протискивается мимо, бросив на меня недовольный взгляд. Я остаюсь сидеть и тупо рассматривать свои руки.

– Тебя долго ждать?

Евлин нетерпеливо постукивает ладонью по бортику по-

возки и сверлит меня ожидающим взглядом. За его спиной девушки уже выстроились в цепочку и семят в сторону двери, у которой их ждет старшая.

– У тебя будут проблемы из-за меня, Евлин? – спрашиваю тихо.

Как бы то ни было, я не хочу, чтобы он пострадал, он и Герата, которая в последний момент все-таки прибежала за мной. Грубое лицо здоровяка на миг смягчается, и после паузы он буркает:

– Не твоя это печаль, девочка. Если стражник не передумает и придет за тобой, тогда и будем решать, что делать. Господин Али со всем разберется.

– Господин Али, господин Али, – передразниваю я – чтоб ему провалиться, вашему Али!

– А ну заткнись! – рявкает бритоголовый, мгновенно утратив все свое благодушие.

Одним движением запрыгивает в кузов, хватая меня за руку и дергает к выходу. Не знаю зачем, но я вцепляюсь в лавку и начинаю отбиваться. Пару раз пинаю бритоголового по толстой, как ствол дерева, ноге. Получаю смачную затрещину, слетаю на пол и лежу, глядя на грязные доски перед своим лицом – переживаю, пока стихнет звон в голове.

– Сама не пойдешь, поташу за волосы, – Евлин наклоняется ко мне.

– Всё, всё, иду! – я поднимаю вверх руку в успокаивающем жесте. Цепляясь за лавку, начинаю подниматься на ноги.

Довольно хмыкнув, Евлин поворачивается и шагает к выходу. В этот момент из заднего кармана его штанов что-то выпадает, какой-то кружок. Беззвучно падает в мою подставленную ладонь и исчезает в кармашке под юбкой, где уже лежит одно сокровище.

В доме нас встречает одетая в расшитый цветами халат старуха со смуглым скуластым лицом и раскосыми глазами. Проводит нас в большую комнату без мебели, с решетками на окнах. Наша старшая по дороге куда-то исчезла, и мы растерянно переминаемся с ноги на ногу, не зная, что делать дальше.

– Размещайтесь здесь, скоро вам раздадут еду. Матрасы для сна принесут позже, – женщина цепким взглядом обводит наши лица и поворачивается уйти.

– Простите, госпожа, можно мне в туалет? – я делаю шаг за ней.

– Я тоже хочу... И мне надо! – тут же начинают галдеть остальные.

Женщина возвращается, еще раз пробегает взглядом по нашим лицам и указывает на меня пальцем:

– Иди за мной. Остальные ждите своей очереди.

– Почему она первая?! Я тоже сильно хочу! – Баяна демонстративно сводит колени и зажимает ладонями низ живота, изображая страдание.

На лице старухи не дергается ни один мускул.

– Пойдешь последней, – кивает на Баяну и, не обращая внимания на ее перекосившееся лицо, идет к двери.

Я кидаюсь за ней, лопатками чувствуя, как спину свер-

лит ненавидящий взгляд стервы. В коридоре женщина сворачивает направо, проходит десяток метров и указывает на неприметную узкую дверь.

– Тебе сюда. Закончишь со своими делами, по одной проводишь в туалет своих подруг.

– Они мне не подруги, госпожа, – усмехаюсь я.

Женщина в упор смотрит на меня и тоже чуть заметно дергает уголками губ.

– Ты права, гусь свинье не товарищ. Да и я не госпожа.

Я изумленно хлопаю глазами, не веря тому, что услышала, а женщина вынимает из кармана черный резной ключ и протягивает мне:

– Ключ держи у себя. После всего оставишь его в замке. Имей в виду, утром вашу компанию увезут из моего дома, – поворачивается и, не оглядываясь, уходит.

Ещё некоторое время я стою и ошарашенно смотрю ей вслед. Потом захожу в туалет, закрываю дверь на ключ и без сил откидываюсь на нее спиной. В висках тоненько стучит восторг – неужели у меня появился шанс сбежать? Встряхиваю головой, приходя в себя, и начинаю осматриваться.

Помещение небольшое, очень чистое, и пахнет здесь приятно – хозяйева явно знают, что такое гигиена. Справа каменный унитаз наподобие земного. Рядом раковина, тоже каменная, на ней кувшин с водой.

Слева небольшой закрытый на замок шкафчик – ключ у меня в руках легко отомкнул его. В стене напротив двери

забранное решеткой квадратное окно без стекол – похоже, в этих краях всегда тепло и можно не тратиться на остекление.

Я внимательно исследую туалетную комнату, проверяю решетку на окне, содержимое шкафа...

Затем спохватываюсь, что время уходит, и торопливо лезу в кармашек на своих панталонах. Первой вынимаю круглую штуку, выпавшую у Евлина. Внимательно рассматриваю – толстая металлическая пластина сантиметра три в диаметре, гладкая с одной стороны и с какими-то вензелями на другой. Еще какое-то время я кручу штуковину в пальцах, пытаюсь понять её назначение, и убираю в сторону.

Достаю тряпицу, что дал мне Лазарис, кладу на край раковины и осторожно разворачиваю. На ткани лежит кулон на короткой цепочке – голубоватый металл в форме листика и свернутый клочок бумаги. Торопливо разворачиваю записку и читаю написанное по-русски: «Эризья, лавка госпожи Татианы». В тот же миг бумага вспыхивает алым. От неожиданности я разжимаю пальцы, и она летит на пол, осыпаясь на него прозрачным пеплом. Торопливо заворачиваю кулон в ткань, прячу свои богатства обратно в кармашек и, поплескав на лицо водой из кувшина, выхожу наружу.

Ночью, разместившись на полу на неудобном тонком матрасе без простыни, я прислушиваюсь к дыханию лежащих рядом девушек. Все давно спят – со всех сторон слышится сопение и похрапывания. Кто-то тихо стонет, переворачиваясь с боку на бок. Кто-то разговаривает во сне... У двери,

перегораживая ее своим телом, раскатисто храпит Евлин.

Я вглядываюсь в темноту, чуть подсвеченную отблесками луны в окне, и беспокожно стискиваю в пальцах резной ключ – до рассвета всего пара часов, а я не знаю, как выбраться из комнаты. . .

Внезапно храп Евлина обрывается. Он грузно ворочается, кряхтит, затем встает на ноги. Стараясь не шуметь, выходит за дверь, оставляя ее приоткрытой.

Я напрягаюсь, в голову бьет горячая волна возбуждения – вот он, мой шанс! Собираюсь встать, но тут в углу комнаты раздается тихое шуршание, и с одного из матрасов осторожно поднимается женская фигурка. Несколько секунд стоит, прислушиваясь, и начинает неслышно красться к двери. Выскальзывает в коридор, тихо прикрывая за собой дверь.

Некоторое время я лежу, прислушиваясь к звукам в комнате, затем осторожно поднимаюсь. Стараясь не производить ни одного шороха, вдоль стенки иду к двери и выскальзываю наружу, благо девица оставила ее открытой. Медленно, прислушиваясь к каждому шороху, двигаюсь в сторону туалета. У его двери замираю – невдалеке раздаются голоса, мужской и женский. Мужчина что-то резко выговаривает. Женщина жалобно всхлипывает, затем начинает плакать.

Я недолго слушаю и понимающе усмехаюсь: говорила я тебе, Баяна, обещать – не значит жениться. Особенно, если обещания прозвучали только в твоём воображении.

Затем тихо-тихо вставляю ключ в замочную скважину и

открываю дверь. В туалете чуть светлее, чем в комнате, – окно здесь не закрыто ставнями, и луна хорошо освещает помещение.

Ключом от входной двери открываю шкафчик. Достая сложенный аккуратной стопкой мужской костюм, тряпичную сумку и маленький, но увесистый мешочек с завязками. Торопливо переодеваюсь и прячу свое платье в сумку. Кулон в форме листика оставляю в тайнике панталон, а украденный у Евлина кружок кладу в карман штанов. Меняю свои сандалии на грубые кожаные тапки и подхожу к окну. Напрягая руки отодвигаю решётку, перекидываю свою сумку наружу и взбираюсь на подоконник.

«Ангел мой, лети со мной. Ты впереди, я за тобой» – бормочу про себя любимую молитву – уверена, что и в этом мире меня услышат, и мягко спрыгиваю на траву под окном.

Бесшумно задвигаю решетку обратно и, повесив сумку на плечо, устремляюсь прочь из переулка – где-то там Северные ворота, и до рассвета мне нужно их отыскать.

Инквизитор

В Гранс я прилетаю, когда солнце только-только начинает выкатывать свой раскалённый шар на небосклон. Ещё час, и оно, не жалея сил, начнёт поливать жаром белоснежный, похожий на игрушечный городок. Красные черепичные крыши, светлые мостовые и жмущихся в короткую тень домов людей – всё накроет безжалостное обжигающее золото, раскаляющее даже камни.

Стафир с лошадыю на поводу уже ждёт меня на главной площади – в этой скученности притёртых друг к другу домов нереально найти другую площадку, чтобы мой дракон смог приземлиться. Конь приветственно ржёт, когда я треплю его по шее – соскучился, застоялся в конюшне, дожидаясь хозяйина.

– Теперь подробнее, что произошло в доме работорговца? – задаю вопрос, забирая у Стафира повод.

– Вчера на рассвете из задних ворот дома Али Меченого выехала крытая повозка. Через несколько минут в дом пришёл отряд стражи и евнухи короля. Ещё через половину часа они покинули дом.

– Забрали кого-то?

– Вышли только те, кто вошёл в дом, – бесстрастно докладывает агент.

– Что с уехавшей повозкой?

– Я следовал за ней – она направлялась в сторону Северных ворот. Не доезжая, свернула во двор дома Моары Талгат.

В повозке было около десятка девушек. Одна из них разговаривала со стражником, остановившим их для проверки. Худая, с синими глазами. И ещё... – Стафир запинается и замолкает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.